

ПЛОТНИКОВ В.В.

АВТОНЕКРОЛОГ УЧЕНОГО ГРАФОМАНА

ПЛОТНИКОВ В.В.

Автонекролог ученого графомана

Екатеринбург, 2008

*Гремят за стеной цепи времени.
Я серый гранит повседневности
Пытаюсь расплавить дыханием.
И видятся мне в непроглядной темени
Смутные контуры мироздания ...*

В своей вопиющей бездарности по части стихосложения мне посчастливилось убедиться достаточно своевременно.

Когда мне было около 10 лет, мой двоюродный брат Юрий Михайлович Чемякин, будучи на полтора года постарше (а это очень много в позднем детстве и ранней молодости), так возвышенно зачитал мне вирши собственного производства. Не помню, о чем там говорилось, но я был потрясен... А несколько часов спустя уже и сам засел над чистым листом дефицитнейшей бумаги.

Но о чем писать хулиганистому пацану с берегов Исети? Разумеется, о ...Волге! Вот она – эта «шадевра»:

Ой ты, Волга, родимая Волга,

Зеленые твои берега.

Ты красавица, наше приволье,

Ты любимая наша река.

По тебе погулял Стенька Разин,

На челнах облетел он тебя,

И гулял он по берегу твоему,

И любил, уважал он тебя.

Экстаз, который я испытал при этом творческом акте, можно было бы живописать на десятках страниц презренной прозы. Это эпически-лирическое полотно я вскоре огласил перед взыскательным метром.

К счастью, Юра очень быстро и просто охладил мой священный порыв. Кстати, его самого позднее чуть не выгнали из спецшколы ВВС за озорные стишки, но он ее все-таки закончил ... с медалью.

Мое последующее неприятие поэтических строк в каком-либо контексте сопоставимо лишь с негодованием любознательного русского мужичка по поводу изнурительных и нудных вставок на французском языке в романе «Война и мир».

В старших классах школы по немецкому языку я имел твердую «тройку», но иногда ухитрялся несколько поправить дела путем перевода, например, стихов Гейне. Переводил слово в слово, да еще рифмовал. Так что получал и вождеденную «пятерку», а также поощрительную усмешку красавицы «немки». Короче говоря, здесь явно присутствовал корыстный мотив.

Но вот, однажды мне попал на глаза перевод А.К.Толстого из того же Гейне:

И что за поддельную боль я считал,

То боль оказалась живая –

О боже, я раненый насмерть – играл,

Гладиатора смерть представляя!

И после этого мне расхотелось промышлять даже переводами. Но я уразумел две истины. Во-первых, что из десятка самых затертых слов можно сформулировать сотни вполне осмысленных и содержательных комбинаций (фраз), но лишь единицы из последних способны разгонять в жилах кровь и навек западать в сознание. В этом высокое назначение поэзии. А вообще-то, «глаголом жечь сердца людей» можно и в прозе. Во-вторых, если даже у самых крупных мастеров иногда встречаются откровенно слабые вещи, то и в продукции отпетого халтурщика подчас промелькнет «огонек Прометей». Все дело в количественных соотношениях: у кого-то «брака на производстве» до 10%, а у другого – более 90. И это утешает!

* * *

С переходом на буржуазно-капиталистический путь развития, а именно так можно обозначить с у д о р о г и, в которых корчится наше российское постсоветское общество, весьма обострилась застарелая неприязнь между профессионализмом и дилетанством. Известный советский биолог и матерый антидарвинист А.А. Любищев (1890-1972), по свидетельству Даниила Гранина, признал себя за «универсального дилетанта». При этом Любищев справедливо подразумевал, что термин-то происходит от итальянского слова «дилетто», обозначающего... удовольствие! Значит, дилетант – это человек, делающий свою работу с удовольствием и не п р е т е н д у ю щ и й на исключительную принадлежность к какому-либо конкретному «профессиональному цеху». И тогда понятно, почему кто-то из великих «обозвал» поэта, мыслителя и министра Иоганна Вольфганга Гете (1749-1832) «гениальным дилетантом» за разработку «всего лишь» основ описательной и сравнительной морфологии растений и животных (как и за изобретение самого термина «морфология»)..

Нет, не боги горшки обжигают, а люди.

Но сладко, должно быть, и Богу

Вылепить крепкий горшок.

Этим словосочетанием я хотел выразить очень простую мысль, что все мы по жизни, в конце-то концов, прирожденные дилетанты: все зависит от места, от времени, а также многих прочих внешних обстоятельств. Так, большинство из нас, да еще в первом браке, абсолютные дилетанты в части семейных отношений, но брачный аферист – это, безусловно, профессионал. И когда одного «самодостаточного» молодого человека спросили, умеет ли он играть на фортепьянах, а он ответил: «Не знаю, не пробовал, но наверно умею», то я целиком на стороне этого парня. Только на

месте последнего я бы отрубил: не умею, но смогу научиться... И пусть не окажется роюля в кустах и не будет поблизости братьев Рубинштейнов с Рахманиновым, а через пару дней я уж отгрохаю «собачий вальс», да еще и с вариациями...

*Только я не «юноша бледный со взором горящим»,
А чертовски загорелый старикашка в очках.*

Профессия, как род основной трудовой деятельности, погружает человека в среду неустрашимых и беспощадных социальных отношений, в которой его лишь с изрядным преувеличением уместно уподобить пылинке. Материальное и душевное благополучие, карьера, поведение..., да и сама жизнь человека обусловлены множеством внутренних и внешних факторов, но именно грамотно выбранная профессия есть самая надежная страховка от всяческих превратностей. О снобизме и неумеренных амбициях профессионалов, а чаще лиц, считающих себя таковыми, ходит немало анекдотов и легенд. Мудрый урок преподавал в свое время многим знаменитый атлет Иван Поддубный. Преследуемый поклонниками и репортерами, он произнес, примерно, такую речь:

- Вот вы, газетчики, называете меня самым сильным человеком в России. А это глубоко неверно. На Руси сколько угодно людей, которые гораздо сильнее меня! – и лукаво добавил, – Но они не подозревают об этом...

Невостребованность – вот бич, который в массовом порядке убивает профессионалов и плодит дилетантов. Грань между первым и вторым очень хлипкая, а вернее, таковой и вовсе не существует. Но это в теории, а на практике – это миллионы несостоявшихся судеб.

* * *

Как известно, широта мышления была органическим свойством выдающихся философов древности. А в дальнейшем, якобы, эта способность оказалась почти безнадежно утраченной. Разумеется, можно вспомнить десятки имен, которыми гордится цивилизация, но синтез знаний о природе и обществе становился действительно неподъемным даже для очень смышленного человека. На всем этом фоне особенно впечатляющей выглядит фигура, которую я «заклеймил» первой в своей жизни эпиграммой (а, может быть, дифирамбом?):

*Французский медик и философ
Жюльен Офре де Ламетри
Не избегал больных вопросов,
Хотя и сам страдал от трип-
Пера его Вольтер (!) боялся,*

*Тогда как он в свой краткий век
Весьма, но не во время состоялся,
Как очень современный человек.*

И на самом деле, Ламетри (1709-1751) так и не удалось поладить с Вольтером (1694-1778), особенно после неосторожного замечания:

«...в портрете одного знаменитого поэта совмещается наружность негодяя с огнем Прометея», а речь шла как раз о Вольтере (М.: Мысль, 1983, с. 185). И надо отдать должное благородству Вольтера, который после смерти Ламетри решительно пресек наветы на покойного:

«...он умер как философ, ...не признавая ни бога, ни врачей».

Так вот, Ламетри был одиноким предшественником команды великих французских энциклопедистов 18 века (Бюффон, Гельвеций, Гольбах, Дидро, Монтескье, Руссо и др). Тридцать пять (!) томов «Энциклопедии или толкового словаря наук, искусств и ремесел», издававшихся с 1751 по 1780 год, глубоко затмили 37-томную «Естественную историю» Плиния Старшего (23-79) и напроочь похоронили дерзкие намерения еще раз повторить такой интеллектуальный подвиг.

А в творчестве Ламетри преобладал сравнительный анализ веры и знания, мифа и опыта, самодурства и государственной мудрости; он смело сопоставлял человека то с растением, то с машиной, не говоря уж о наших «братьях меньших», и простирали свои соображения до принципов морали, политики и демократии. Достаточно напомнить только названия некоторых его трактатов: «Трактат о душе (Естественная история души)», «Человек – машина», «Человек – растение», «Опыт о свободе высказывания мнений», «животные – большее, чем машины»... И в преддверии 300-летия со дня рождения этого вольнодумца вполне оправдан его сарказм: «Я оплакиваю судьбу человечества, попавшего... в столь плохие руки, как его собственные» (с. 288).

Науки, искусства и ремесла в 21 веке буквально оцетинились рогатками и бастионами глубокой и узкой специализации, охраняемой к тому же иерархически организованной бюрократией. Энциклопедизм в этих обстоятельствах становится уделом одичавших интеллектуальных отшельников. Что ж, мир прекрасно обойдется без этих всезнаек!

А меня теперь больше всего интересует «Занимательная геронтология», основанная главным образом на самонаблюдении:

*Заблудился разум в памяти и снах,
Запутался старый ухарь в трех соснах.*

* * *

Вскользь. Мы попытались восполнить этот пробел сборником «Н.В. Тимофеев-Ресовский на Урале. Воспоминания» (1998), но при тираже в 250 экз. он вряд ли разошелся дальше Института экологии растений и животных УРО РАН, в котором и был создан. Так плодятся библиографические редкости...

Свое «второе рождение», как и многие другие счастливики, я запомнил значительно лучше первого. Сам по себе акт «второго рождения» абсолютно уникален для каждого конкретного человека, в отличие от банальнейшей процедуры появления на свет любого существа. Вот почему фактам «второго рождения» посвящены тысячи гениальных художественных произведений, а наше физическое воплощение остается на совести физиологов, генетиков, гинекологов и акушеров.

Обремененный житейским, общественным и производственным опытом, я к тому времени чрезвычайно пренебрежительно относился ко всякой науке, но и карьера благополучного во всех отношениях обывателя меня совершенно не прельщала. А наука тогда казалась, да и была, довольно легкой добычей для честолюбцев, избегающих столкновений с действительностью: престиж науки был неотразим.

Тимофеев-Ресовский напрочь расколотил все эти бредни, личным примером показав, что нет более надежного капитала, чем доброе имя, знания и опыт, но не следует надеяться на какие-либо дивиденды кроме беспредельной уверенности в себе. Залихватский девиз «Науку надо делать весело!» ничуть не хуже вольтеровского «Раздавите гадину!», но далеко не у всех это получается. Другой наказ Николая Владимировича звучит, пожалуй, даже более актуально, чем предыдущий; нет наук 1-го, 2-го или 3-го сорта, а есть исследователи разных сортов (не исключая совершенно бракованного материала). Уроки «Деда» потребовали от меня, например, огромного напряжения физических и нравственных сил, так что лишь десять лет спустя я смог записать в «Полевом дневнике»:

*Титанам падать не дано!
Борись мечом либо идеей.
Победа в должный час созреет,
Как в погребе заветное вино.
Уверен будь, обычай предков помня,
«Иду на Вы» – сперва провозгласи,
Потом врубись во вражеские сонмы
И большего от жизни не проси.*

Я понимаю, что все это звучит вычурно, пафосно и агрессивно, а вторая строчка вообще позаимствована из раннебуддийского эпоса «Дхаммапада» в переложении Еремея Парнова (1971), но надеюсь, я не слишком обездолил кого-то из безвестных восточных мудрецов.

«Уж кончено дело, зарезан старик...» – излюбленное присловье Тимофеева-Ресовского, за что, собственно, он и получил прозвище «Дед». Много позже я раскопал эту бодрую фразу в повести А.К.Толстого (1817-1875) «Упырь». А вообще-то особое состояние психики, которое Фридрих Ницше (1844-1900) назвал «меланхолией завершения», хорошо знакомо любому человеку, начиная от праздного повесы («...Огонь погас, и кончен пир», «...Приходит смерть, и кончен бал!» и т.п.) и кончая беззаветным тружеником («Еще одно последнее сказанье..., Исполнен долг...»). Знаменитый создатель теории стресса Ганс Селье (1907-1982) очень кратко объяснил психологическую суть, так сказать, синдрома окончания исследовательской работы (1987, с. 55). Грешным делом и я запечатлел симптомы этого недуга:

*Кончено дело! Усталую грусть надо мне одолеть
И на новое дело решиться.
Только так! Только в нем перестану я духом болеть
И грядущего дня перестану, как прежде, страшиться.*

Две-три недели спустя, пожалуй, в разгар очередного кризиса дописал в начало (!) следующие довольно слезливые строчки:

*Слишком гладко пошли дела.
Верный разум забил тревогу.
Видно, выгорела дотла
Нить, светившая мне в дороге.*

Казалось бы, теперь-то уж можно угомониться, но через пару месяцев последовал командирский окрик:

*Что-то гладко пошли дела...
Нить, что выгорела дотла...
Нет, не вижу я большего зла,
Чем себя почитать за осла.*

Как видим, каждая строфа представляет здесь собой законченную мысль, т.е. является художественной миниатюрой. Неистребимый научный подход к действительности, хотя бы и не вполне материальной, заставляет меня утверждать, что из трех упомянутых строф можно сформировать восемь достаточно вразумительных поэтических произведений. Таким образом, я почти затмил пушкинского Антонио Сальери (1750-1825), комбинаторикой отпрепарировав собственную песню.

Некоторые мои стихи создавались годами, другие - мгновенно и чуть ли не во сне. Огромное преимущество дилетанта в том и состоит, что он беспредельно свободен. И если ему претит любовная или патриотическая лирика, то у него она просто не получится. Но так хочется иногда поскулить или порвать на груди рубаху!

* * *

Упадок духа может настичь добросовестного исследователя в самый неподобающий и внешне благополучный момент. Известный индийский философ Вивекананда (1863-1902) дает именно для таких случаев превосходный совет: «Предоставьте духу некоторое время течь, как ему угодно. Он кипит, испускает пузыри. Пусть обезьяна скачет! Живите и наблюдайте! ...Вам будет открыто много отвратительных мыслей, которые вы носите в себе... Но незнание - это могущество... Терпение! С каждым днем блуждание духа будет уменьшаться...» (1936, с. 49). Знаменательно, что Вивекананда родился в один год с нашим замечательным соотечественником В.И. Вернадским (1863-1945), так что «перерождение» друг в друга им не грозит, хотя известно, что Владимир Иванович был убежденным поклонником Вивекананды.

Итак, «пусть обезьяна скачет»:

Где-то, кто-то в немыслимой боли

Плачет, кричит и зовет меня (?).

Где-то дорога, лес и поле,

И кузнецы, что в траве звенят.

Где-то пламя бросает в скалах

Багровый отблеск навстречу дня.

Где-то парус и где-то песня,

И кто-то ведет на реку коня...

Ночью в груди не удержишь вздоха,

Слепо тарачишься в потолок:

Грустно чертовски и очень плохо

Враз осознать, что ты одинок,

Что кроме семьи никому не нужен,

Что кроме конторы не знаешь стихий,

Что из пацанов ты, минувя мужа,

Уныло тащишься в старики.

Снова и снова холодный разум

Щекочет нервы и шепчет в тиши:

Не лучше ли, взять и покончить разом...

Постой! – говорю я себе, – Не спеши

*Туда, где тебе ничего не обещано,
Где вечный покой и лишь червь шуршит.
Постой! – говорю я – Давай-ка, братец,
Еще на свете покопошишь!*

Затем следует еще более нудный поэтический нагоняй самому себе, но психотерапевтический эффект достигнут: уныние сменяется мощным позывом к действию. Уместно заметить, что в ту пору я работал ученым секретарем академического учреждения, создавал с нуля новую лабораторию, с весьма интригующей поисковой программой, и заканчивал докторскую диссертацию... Так что оснований для розового оптимизма и столь же махрового пессимизма было достаточно.

На мой взгляд, огромным эмоциональным и, безусловно, положительным воздействием на хлипкое психологическое равновесие современного человека обладает, например, своего рода напутствие «идеолога британского империализма» Редьярда Киплинга (1865-1936):

*О, если ты покоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,
И если ждать умеешь без волненья,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь.
И если ты своей владеешь страстью,
А не тобою властвует она,
И будешь тверд в удаче и в несчастье,
Которым, в сущности, цена одна,
И если можешь сердце, нервы, жилы
Так завести, чтобы вперед нестись,
Когда с годами изменяют силы
И только воля говорит: «Держись!»...*

Многого стоит и вызов болгарского поэта Любомира Левчева в «Свинцовом тосте»:

*И склонись над листом – это твой трон!
Потому что в этот отравленный час
Я стихами хочу заплатить долги.
Я тост предлагаю. Я пью за вас –
мои верные враги.
Враждою своей вы вдохнули невольно
Подъемную силу в крылья мои.*

*Будьте талантливы! Будьте достойны!
Чтобы сладко мне было выигрывать бои...*

Довольно, однако, чужие лавры пожинать. И если серьезно, то я глубоко убежден, что в редкие моменты исключительного творческого подъема в крови и в мозгу любого человека образуются и мгновенно сгорают какие-то пока неведомые науке вещества или даже летучие элементы. Ведь и обыкновенная вода (H₂O) за работой в живой клетке обнаруживает такие физико-химические свойства, которые впору назвать фантастическими и невозможно воспроизвести в «неживом» эксперименте, т. е. вне клетки.

* * *

Мина чмокнула где-то поблизости в заледенелое болото, и бурая крошка долго еще сыпалась сверху на согнутую спину и втянутую в плечи голову. Затем, повинуясь сигналу ракеты, тяжело сопя простуженным носом и припадая на неокрепшую после ранения ногу, солдат побрел вперед. Справа и слева шли люди. Они что-то кричали и строчили из автоматов. Он не кричал и не строчил. За годы войны он много раз поднимался вот так и знал, что главное начнется потом. Он тоскливо огляделся кругом. Молодые, незнакомые лица. Новая наскоро сформированная часть, новые командиры, и ни одной близкой души, с которой можно было бы разделить слабую надежду, что и на этот раз смилостивится судьба, отвратит почти неминуемую гибель. Он вспомнил ошупывающий взгляд взводного, сначала недоумевающий, а затем потеплевший: «Откуда ты взялся, такой доходяга?» - казалось, спрашивал он, но, отметив три затертые нашивки за ранения, костлявые плечи, расправленные с какой-то иронической молодцеватостью, и утонувшие в черных провалах навечно усталые глаза, довольно крякнул и пошел дальше. Присутствие именно вот таких двух-трех «папаш» в необстрелянном взводе и сообщало ему черты подлинно боевого подразделения, и взводный это понимал. Только где он теперь, этот взводный? Солдат уже успел оценить значение отчаянного крика, захлебнувшегося в начале атаки, но предчувствие беды лишь на секунду опередило взрыв, после которого и от солдата не осталось никаких следов...

Каждый раз, подлетая к великому городу, примерно, так рисовал я себе последние минуты жизни своего отца, пропавшего без вести в 1944 году где-то здесь, на Ленинградском фронте. Скорбь и гордость – таков клубок эмоций:

*Несправедливое, жестокое клеймо
На добром прахе неизвестного солдата
Дробит мне грудь, раскалывает мозг
Многопудовым языком набата...*

А осенью 1977 года я примчался в Питер, можно сказать, «на белом коне»; в портфеле покоилась увесистая рукопись монографии, в плановом порядке подготовленная для предъявления в издательство.

Теперь требовался второй официальный отзыв, подтверждающий целесообразность публикации книги. Увы, мои глубокоуважаемые питерские коллеги несколько оробели... Потрепескавшись пару недель на гранитных набережных Невы, с диким возгласом «Ужо тебе!», я, в конце концов, погрузился... на боковую полку вагона ночного московского поезда. И тут-то меня и настигла парнасская муза:

*Турбины свист или стук колес
В глубокую грусть погружают меня.
Я знаю, что мчусь. Но куда? Вот вопрос.
Куда лечу от родного огня?*

*Видно написано мне на роду
Вечно спешить и, участь кляня,
Снова и вновь попадать в беду,
Лишь призрак удачи в душе храня.*

*Вот и бессонница, гостем незванным,
Шутки изволит со мной шутить:
Мол, истина ходит в одеждах рваных
И надо, дескать, ее найти.*

*Что же, в хоромах мы истин не ищем,
Но в хижинах истиной тоже не пахнет,
И в бочке громадной с выбитым днищем
Истиной нас по башке не шархнет.*

*Истины нет! Просто нет. Есть движение!
В жалких попытках понять его суть
Мчимся и мы, поддаваясь влечению
Сложной спирали изведать путь.*

Эти стихи я сочинил в полусне, возможно, даже всхлипывая, как незаслуженно выпоротый мальчишка. Надо заметить, что, 12 лет спустя, умудренный всяческими превратностями и потерями, я дописал этот стих:

*Со свистом турбин и со стуком колес
Пронеслась, прогремела, прошелестела...
Мечта, идея, невысказанная мысль?
А может, душа, расставаясь с телом?*

Как видим, вопросов здесь уже побольше, чем ответов. А тогда, ранним утром, очнувшись уже в электричке, по дороге в Обнинск, к Н.В. Тимофееву, я поставил точку в своих саморазрушительных питерских сомнениях:

*Алым плащом, бутафорскою шпагой
Там, на Неве, всех «китов» раздразив,
Надобно плыть мне с медвежьей отвагой,
Логику с фактом прочней усреднив.*

* * *

Рассказывают, что некогда в старину народы ханты и манси крепко взбунтовались против центральной власти: «Возьмем Березово, так Москва сама сдастся!» – под аналогичными лозунгами штурмуются и не такие твердыни... Я никогда не страдал, так сказать, «комплексом провинциала». Более того, боролся, как мог, против этой многовековой напасти. Меня вдохновлял, в частности, образ деда – сибирского крестьянина и прямого потомка новгородских стрельцов (не путать с Рюриковичами). Вот характерный эпизод 1946 года.

Дед колет дрова для детского сада. Вокруг прогуливаются маленькие поселяне и симпатичные поселянки. Каждый занимается своим делом. Подходит группа лощенных красавчиков из дислоцирующейся поблизости бригады морской пехоты Тихоокеанского флота (Это на Урале!). Поселяне, естественно, тоже начинают подтягиваться.

- Ну-ка, дед, разреши помахать! – выступает самый бравый из морячков. А у деда стоит на «прицеле» весьма суковатый и свиловатый чурбан... Короче говоря, колотили моряки по очереди в этот чурбан, как в бубен, а проклятая чурка от этого становилась только крепче. Но что стало с белоснежными форменками и умопомрачительными клешами!

В конце концов дед решительно прекратил весь этот спектакль; потоптавшись вдоволь вокруг злополучного предмета, он крякнул и развалил его надвое одним ударом... А у деда, надо полагать, не было какого-то торжества, а была печаль, примерно такого свойства: на войне положили миллионы отборных богатырей, а этих дистрофиков еще надо хотя бы откормить до соответствующих кондиций... Кстати, и меня тогда дразнили: «Шкелет – восемь лет, голова на палке, руки на скалке», – а теперь это модно.

За Полярным кругом я впервые побывал осенью 1972 года в районе Ямала, будучи в отпуске (!), да еще и с женой (!!), но северное сияние наблюдал еще в августе 1956 года..., на Алтае. Именно тогда у меня наметился неравный конфликт с цивилизацией: летом 1957 г., вместо студенческих каникул, я махался топором в качестве рабочего лесоустроительной партии на Северном Урале, осенью заработал «За освоение целинных земель» и кличку «комиссар» опять на Алтае, потом были Южный Урал, Западная Сибирь и Поволжье..., а в 1961г. стал начальником партии Свердловской аэрофотолесоустроительной экспедиции Волжско-Камского лесоустроительного треста Всесоюзного объединения «Леспроект». Уф! Такая вот была «золотая молодежь».

*Кто сказал, что земля умерла?
Нет. Она почернела от горя...*

Так что на смерть Владимира Высоцкого я откликнулся, как подобает собрату по цеху не только поэтов, но и экологов:

*Слава Богу, что есть еще
Последний глоток вина.
Слава Богу, что есть еще
Немного силы в перстах.
Что же ты, гражданин участковый,
Залег в кустах?
Я живу, я спешу
Исчерпать свою жизнь до дна.*

Привычка странствовать, хотя исключительно «по казенной надобности», но в одиночку, выработалась у меня еще в лесоустроительстве, а затем закрепилась в аспирантуре. Я глубоко разделяю убеждение «патриарха океана» Уильяма Уиллиса (1893-1968): «Только когда человек один, когда он может рассчитывать лишь на себя и ему неоткуда ждать помощи, каждая частица его тела, мозга и души подвергается испытанию» (1969, с. 60). Тайга - тот же океан, только в океане мы скользим по поверхности, а в тайге – ползаем по дну. Полевой дневник – тот же вахтенный журнал: на его страницах помимо засушенных комаров попадают и довольно резвые мысли. Некоторые из них в дальнейшем проникают в научные статьи и книги.

В 1975 году я усердно готовился к экспедиции в братскую Монголию («Все мы маленько монголы!»). Дело в том, что питерский институт «Ленгидропроект» предложил нашему Институту экологии осветить тему, примерно, следующего содержания:

«Экологические аспекты при проектировании, сооружении и эксплуатации каскада гидроузлов на реке Кобдо». А я был назначен начальником соответствующей институтской экспедиции.

Составляя программу полевых исследований, смету и календарный план работ, изучая литературу по Монголии, в том числе и художественную, короче, осуществляя всю рутинную подготовительную процедуру, я отчетливо представлял себя гарцующим на горячей монгольской лошадке. Первый опыт удалой верховой езды я получил еще в победоносном 1945 году.

Аккурат к началу исторической Потсдамской конференции мы вдвоем с сестрой прибыли паровозом на малую родину своих великих предков: от Свердловска до станции Паклевской (ныне Талица) мы добирались около трех суток, поскольку нас на каждом разъезде обгоняли десятки воинских эшелонов. Именно мой первый выход к малолетнему сельскому населению и ознаменовался ковбойско-мустангерским подвигом.

- Вы там, в городе, все отчаянные! – с такими лозунгами обступили меня десятка полтора юных крестьян, любясь моей новенькой кустарного производства косовороткой, розовенькой в белый горошек...

- А слабо тебе на козле прокатиться! – слышалось из толпы.

Я понимал, что за этим последует неминуемое сражение, а харчи у аборигенов получше все-таки городских, да и чудовищное численное превосходство... Вот тут-то и разыгралась дедовская кровь:

- Давай сюда козла!

И откуда он взялся на мою голову? Лучше уж было бы податься, но отступить некуда. Десятки услужливых рук удерживают на месте разъяренного скакуна с полыхающими глазами. Я бодро вскакиваю на широкую спину и цепляюсь за громадные рога. Все молниеносно разбегаются... Разбито все, что бьется, разорвано все, что рвется, а в том числе и рубаха в белый горошек.

Тетушка (военфельдшер!) с душераздирающими причитаниями приводит меня в божеский вид, сестры делают капремонт моему розовому мундиру. Зато во все последующие дни я остаюсь предметом всеобщего поклонения. Даже матерые мужики не считают зазорным побеседовать со мной на всякие отвлеченные внешнеполитические и философские темы: «Титанам, знаете ли, падать не дано».

А монгольская экспедиция тогда так и не состоялась. За несколько часов (!) до моего приезда в Ленинград главный проектировщик скончался у себя дома за письменным столом, уронив голову на бумагу из МИДа СССР, в которой сообщалось, что договор

на строительство гидроэлектростанций в Монголии расторгнут. Талантливый инженер уже пять лет занимался этой проблемой, не говоря уж о планах... Так что в 37 лет погибают не только поэты.

В мае 1976 г. скончался академик Станислав Семенович Шварц (1919-1976). Кому как, а для меня его вполне предсказуемый уход явился величайшей личной трагедией. Вместе с ним из моей жизни уходил элемент б е з о г л я д н о г о научного романтизма (не путать с авантюризмом), поскольку именно он умел безоговорочно и чрезвычайно эффективно поддерживать мои, подчас даже весьма рискованные и дерзкие, намерения. Очень скоро после смерти Шварца я уже мог записать:

*Крылья мои плесневеют под грузом
Чужих и моих заблуждений, но я
Уверен, что будет нужен
Целительной плесени этой яд.
Упругий ветер его раздует,
По всем уголкам Земли разнесет.
И кто-нибудь, в пропасть метнувшись,
Раскинет руки, но вместо паденья
начнет полет.*

Базовое образование инженера лесного хозяйства, опыт проектировщика-лесостроителя и общебиологическая школа Н.В.Тимофеева-Ресовского, С.С.Шварца и Б.П. Колесникова (1909-1980) создавали в моем сознании сплав научных интересов и практических возможностей, позволявший легко и весело менять направление исследований и размышлений. Так, например, с навыками инженера-таксатора я совершенно автоматически переключился от дешифрирования аэрофотоснимков к использованию материалов съемки земной и всякой прочей поверхности из космоса...

Решение поразбойничать в лабиринтах эволюционной теории (не путать с дарвинизмом) неотвратимо созрело еще в процессе написания и научно-бюрократического оформления докторской диссертации на тему: «Структурно-функциональная организация древесного яруса лесных биогеоценозов» (1973). Дело в том, что, занимаясь биологией самых долгоживущих в индивидуальном плане существ на Земле, я не переставал задаваться вопросом: как вырабатывались формы с о с у щ е с т в о в а н и я столь грандиозных организмов в сообществе. Откуда все это взялось? Я не щадил времени и сил на разработку и полевые испытания собственных м е т о д о в анализа конкурентных и прочих взаимоотношений в группировках деревьев. Потом я заставил «работать на себя»

огромный ч у ж о й фактический материал (разумеется, только опубликованный). Наконец, распространил свои походы на сообщества простейших, древнейших или ископаемых форм прикрепленных к субстрату организмов. Так появилась книга «Эволюция структуры растительных сообществ» (1979), а также покаяние:

*У каждого из нас на совести, мой братец,
Лежит немало всяческих злодейств.*

Что касается методов, то даже современная математика в полном ее объеме, по моему глубокому убеждению, является не н а у к о й в классическом понимании последней, а универсальным, иерархически организованным и предельно формализованным м е т о д о м . Математика – это метод познания бытия во всех его формах и метод самовыражения разума. Математика – это метод передачи субъективных ощущений. Этими утверждениями я никак не пытаюсь что-либо принизить или возвысить: я хочу отразить реальное положение вещей, возможно, и несколько неуклюже.

* * *

В проблему «Переброски части стока северных и сибирских рек в Среднюю Азию, Казахстан и в бассейн р. Волги» меня втянула стихия, идеальной моделью которой можно считать... мыльный пузырь. Действительно, десятки тысяч высококлассных специалистов (не считая членов семей) и около 200 проектных, производственных и научных идей оказались «кровно повязанными» (лексикон-то каков!) в этой сногшибательной аванюре. Да только, в нашей истории сколько подобных-то было!?

Так и наш Институт соответствующими распоряжениями Госкомитета по науке и технике Совета Министров СССР и Президиума АН СССР обязывался принять участие в этой увлекательной затее, разумеется, «вне плана и без дополнительного финансирования, а за счет внутренних ресурсов». А упомянутым «внутренним ресурсом» на практике оказался именно я, как проживающий неизвестно где и занимающийся неизвестно чем. Так что предположек более чем достаточно.

А на деле, еще за лето 1977 г. я начал и закончил хоздоговорную тему: «Прогноз экологических последствий к ТЭО проекта переброски стока рек Туры и Тавды в Свердловскую, Челябинскую, Курганскую и Оренбургскую области для улучшения промкоммунального водоснабжения, а также орошения земель». Так вот, исходя из чисто инженерных и экономических соображений (экологии-то там и не понадобилось), я решительно воспротивился рассматриваемому

проекту. Ведь одно дело, наполеоновскими жестами разрисовывать карту, масштаба 1:1000000, а другое – потопать в свое время на месте, да еще и с топором или с аэрофотоснимком в руках...

Потом тянулась многомесячная тяжба с Заказчиком – институтом «Южуралгипроводхоз» («За наши кровные 5.0 тыс. рублей нам такую бяку преподнесли»). Уместно напомнить, что размер только капитальных затрат на переброску 1.0 млрд м³ воды достигает 1.0 млрд долларов США. А предполагалось на 1-й очереди перебрасывать каналами в открытом грунте до 8.0 млрд м³ воды в год... Проектирование ради проектирования – так это все называется. Между тем, только на Урале в окончательную негодность приходили сотни водохозяйственных сооружений еще дедовских времен.

Мне кажется, русскому человеку издавна и особенно по душе что-нибудь суперграндиозное, если не сказать, абсурдное; если пушка – то чтоб вообще нельзя выстрелить, если колокол – то чтобы в нем непременно можно было разъезжать на телеге... А «Союзгипроводхозу» с прозрачной корыстью удалось надолго взбаламутить всю страну. Идея «поворота рек» овладела умами даже ворон и галок на необозримом пространстве городских и промышленных свалок.

Начинал я эту эпопею от нашего Института, как водится, в одиночку, но при неоценимой помощи наших ихтиологов. Замечу, что в конце концов к этому занятию подключились уже до восьми лабораторий. А я тогда 8 лет усердно строчил программы, отчеты, записки и доклады, да еще и представлял себя на всевозможных совещаниях, семинарах и конференциях с регалиями профессионального эколога и члена Комиссии АН СССР по водным ресурсам. Все бы хорошо, да только нам тогда было официально запрещено высказываться по рассматриваемому поводу в открытой печати...

Нас с Геннадием Васильевичем Бачуриным из Института географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР в частных беседах признавали за «назывателей вещей своими именами», а проектировщики боялись, как глобальной засухи, поскольку мы были яркими противниками «поворота рек». И таких было много...

Так что не надо топтаться на прахе борцов, подобных которым в «чичасной» жизни просто и нету.

Большой друг советского народа, афганский поэт, журналист и Министр Махмуд Тарзи (1868-1935) написал замечательные строки:

*Говорят, весь мир из электричества!
Почему ж в нем столько темноты?*

Не удержался и я от пуштунского двустишия (мисре), когда мы набросились на братский Афганистан, кстати, практически первым признавший в 1921 г. Советскую Россию:

*Говорят, человек состоит из воды.
Вот почему к ней так плохо относятся!*

Вероятно, занимаясь столь душещипательными, но малопродуктивными вещами (а были ведь сверхдальние и сверхмощные ЛЭП, газопроводы, лазерная техника, «раковая экспансия» «прикладная космонавтика»), я бы совсем одичал от безгласности, если бы не вооружился в этом процессе двумя банальными, но весьма конструктивными (т. е. полезными для дела) «земноводными» идеями.

Во-первых, самым естественным, органичным, неоспоримым и однозначным является подразделение суши Земли на водосборные бассейны каких угодно порядков, начиная от Мирового океана и кончая безымянным ручьем. Столь же естественным, органичным и пр. является разграничение смежных и соподчиненных бассейнов по водоразделам. В структуре, во всяком случае, любого речного бассейна вполне объективно выделяются: зона формирования, зона транзита и зона аккумуляции стока (не только воды, но и переносимого водой прочего вещества).

Во-вторых, именно Его Величество Сток, понимаемый в самом широком смысле, т. е. как вынос (автономное производство и собственно выброс), транзит и аккумуляция вещества, энергии и информации, правит миром. Разумеется, вещество само по себе может быть носителем и энергии, и информации, а энергия - передавать информацию. На практике же преобладают как раз всевозможные переходные состояния: транзитно-аккумулятивные, автономно изменяющие свою функциональную принадлежность транзитные, периодические системы и т. п. Явления рассматриваемого порядка пронизывают все сферы бытия, начиная от бомбардировки поверхности Земли веществом из Космоса и кончая глумливой телевизионной рекламой... Сток правит миром!

Обоснованию этих положений в значительной степени посвящены книжки «Динамика лесных экосистем Субарктики (на примере бассейна р. Хадытаяха)» (1984) и «На перекрестках экологии» (1985). В последней я даже отважился выступить в качестве художника-графика с извращенными абстрактно-философскими наклонностями.

* * *

Не иначе как физическим и нравственным подвигом следует считать инициативу моего друга Леонида Филатовича Семерикова (1939-1995) построить парусно-моторное судно для всевозможных экспедиционных нужд. Действительно, взяв за основу

обычную промысловую ненецкую лодку – «бударку», надо было просто наростить киль дубовым брусом с оправой из стального швеллера, наростить и укрепить борта, настелить палубу, воздвигнуть рубку-каюту-кубрик на четыре персоны, сделать и установить мачту и гик, залить дно бетоном с чугунными болванками, оборудовать судно буквально тысячами мелочей, без которых оно не вполне жизнеспособно...

Короче, когда в июне 1984 г. мы «вышли из бухты» поселка Гари Свердловской области на реке Сосьве, то мало кто верил, что мы доберемся благополучно хотя бы до ближайшей излучины. Больше всего впечатляла оголенная мачта: «Да оно вас без всяких парусов опрокинет!» - голосили нам вслед мужики. Но мы тогда, разумеется, исключительно по академической рассеянности проскочили более четырех тысяч километров и закончили навигацию за Полярным кругом.

Свою «Флору», в зависимости от настроения, мы называли то лодкой, то яхтой, то шхуной, а то и кораблем. Но еще в бассейне (!) реки Тавды ее прозвали «парусным пароходом», а мы честно заработали репутацию отпетых головорезов и... Моряков. Хочется верить, что и в новые времена посреди сибирской тайги глазам заматеревшего браконьера вдруг привидятся белые паруса, и он, отплевавшись от наваждения, задумается о вечном.

Начинали мы свой звездный путь вдвоем с Филатычем. Как имеющий немалый опыт хождения по многим рекам на плотях, резиновых сооружениях и с мотором, я немедленно был возведен в ранг штурмана-рулевого, а также историографа и бытописателя, что в дальнейшем оказалось чревато.

Вооруженный напутствием старого зэка: «Из нихрена, да цельный хрен вылепить!» (только сказано было покруче), за всю 4-месячную тогдашнюю навигацию я вымучил из себя лишь две строчки:

Мы говорили не компас, а компас.

Мы плавали (!), а не ходили.

Только и эти скупые строки - драгоценная находка для лингвистов и филологов, а также прочих любителей порассуждать. Итак, первая строка доказывает, что мы считаем себя, прежде всего, лесниками, а уж потом моряками, но вполне ориентируемся в традициях флота. Нам говорят: «Плавает, пардон, ...навоз, а по морям – ходят!», но мы вежливо продолжаем: «Еще ходят под стол и на горшок, а судно стоит у бабушки под кроватью...». Так что без навыков к стихосложению на флот лучше не соваться.

Рис. 1. «Флора». Рисунок автора.

Фото 1. Неведомый науке палеозавр.

Фото 2. Чаша с виноградными гроздьями.

Фото 3. Эдип и сфинкс.

Год спустя я написал, а еще через восемь лет даже опубликовал документальную повесть «На фоне больших кораблей», посвященную превратностям именно той, первой для нас, парусной экспедиции по великим сибирским рекам. Потом было еще до десятка навигаций: одномачтовую «Флору-1» сменили опять же на самодельный двухмачтовик «Флора-2», побывали в Обской губе и в Тазовской... Некоторые сезоны я пропустил, в другие – выполнял обязанности «зверя»-старпома и штурмана. За все годы в составе экипажа, не считая многочисленных гостей, побывало, пожалуй, до полусотни человек - исключительно научных работников – биологов различных специальностей. Стоит представить, какие «трепы» разгорались в «кают-компании» на якорных стоянках где-нибудь в Тазовской губе или около Мангазеи...

Буквально за две недели до внезапной смерти капитана Семерикова мы с ним обсудили программу, график и прочие детали перехода «Флоры» из порта приписки (Салехарда) к устью Енисея. Памяти капитана я посвятил повесть «Еще не вечер-р-р!»... Памяти корабельного пса – ненецкой лайки Ермолая – повесть «Случай не надежен, но щедр». Последнее обстоятельство следует пояснить: одно дело, когда вы кувыркаетесь на диване со своей ненаглядной болонкой, а другое, – когда вы в проливной дождь со снегом спите с малознакомым псом под повывавшем всякое кедром, укрывшись в обнимку кургузым плащом, да еще в десятках верст от ближайшего жилья.

Сомнительные лавры Артюра Рембо (1854-1891) с его «Пьяным кораблем» стали мне известны несколько позднее, а в те годы «таежно-морских странствий» была задумана целая поэма, почему-то под названием «Русские в Калифорнии». К сожалению, я сумел наметить лишь ее «резюме»:

*На рваных парусах изношенного брига,
Распрозабытого своей родной страной,
Влетели в гавань. Рывкнул боцман –
поп-расстрига,*

*Матросы замерли свинцовой стеной.
Сколь ни дивился вождь осанке капитана,
Грозя бедой из под тяжелых век,
Уверенно шагнул меж копиями охраны,
Чему-то усмехаясь, этот белый человек.
А виделась ему за многами морями*

страна рабов...

*И вздыбился клочок державы парусами.
Прости, надежда, и прощай, любовь!*

И не надо думать, что именно страсть к приключениям руководила нашими тогдашними действиями. Наш дерзновенный корабль был всего лишь автономным средством передвижения и надежным убежищем от всех и всяческих напастей. А стержнем были индивидуальные программы полевых исследований: каждый занимался своим делом, был независим, насколько это возможно, в кубрике, размером с кухню в «хрущевке»; обсушен, согрет, накормлен, обласкан и защищен такими же точно людьми, как он. Потом у каждого были книги, статьи и идеи, но могучее ощущение к о м а н д ы, пусть даже она временно состоит всего из двух человек, но у них за спиной к о р а б л ь, не покидает потом каждого еще многие годы.

* * *

«Перестройка» обрушилась на страну даже не лавиной, а снежно-грязе-каменным селевым потоком, перемалывая в труху целые отрасли «народного» хозяйства, мораль и судьбы десятков миллионов людей. Красноречивые политические наперсточники мигом распотрошили обветшалую «куклу», называемую «светлым коммунистическим будущим». А позади была беспросветная диктатура п а р т и и, не имеющей ничего общего ни с пролетариатом, ни с идеей советской власти.

Выдающийся немецкий математик Герман Вейль (1885-1955) сформулировал в свое время замечательный афоризм, который не худо было бы печатать на денежных знаках вместо невразумительного призыва «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»: «...прошлое может быть познано, но его нельзя изменить, будущее неизвестно, но его можно изменять решениями, принимаемыми в данный момент» (1968, с. 55). Я усиливал эту формулу в несколько приемов и в результате получилось следующее: объяснить прошлое, управлять настоящим и предвидеть будущее – вот центральная проблема, задача и цель всякой науки применительно к ее предмету. Формулировка оказалась универсальной, и я беззастенчиво использовал ее в самых разнообразных ситуациях.

Действительно, во-первых, мы и свое прошлое-то зачастую «предсказать» не можем (все зависит от шkodливой конъюнктуры, т.е. сложившегося положения вещей), но стремиться к этому все-таки стоит. Во-вторых, «управлять» – вовсе не значит непременно манипулировать; иногда единственно возможно лишь объективно ориентироваться в событиях, регулировать детали и контролировать результат. Наконец, грамотно построенный про-

гноз способен существенно повлиять на ход последующих событий. Это – твердо установленный факт.

Сам Альберт Эйнштейн (1879-1955) некогда горько сетовал на «совершенство методов и неясность целей», характеризующие современные интересы эмбрионального мирового сообщества. Думается, что цель, какой бы фантастической она ни была, непременно будет достигнута, если ее разложить на соподчиненные элементы и соблюдать последовательность действий, а не уподобляться слепой стихии.

У меня были внушительные наработки по нескольким направлениям, но «перестройка» первым делом без всяких почестей похоронила уникальную возможность еще в 1987 г. опубликовать в Москве книгу «Урал глазами эколога». Десять лет спустя мы выпустили в Тюмени аналогичную книгу по Ханты-Мансийскому автономному округу, но у нее было уже 46 авторов... Правда, сначала был ее 110-страничный «Конспект» (1993) за одной подписью. Это сколько же статей и «тезисов» из него можно было бы настругать? Меня всю жизнь упрекают за малое количество публикаций. Резонов «за» и «против» тут много. Для меня самым весомым было то обстоятельство, что для одной странички самостоятельного текста и для 500-страничной рукописи требовались одинаковые сопроводительные документы; в «Авторской справке» я должен был убедительно доказать, что вообще-то являюсь круглым идиотом, а в подтверждение предъявить «Акт экспертизы» за четырьмя подписями и двумя (разными) печатями... Серию из нескольких статей по одной проблеме без весомой поддержки в редакции журнала лучше не затевать... Каждая приличная статейка должна быть снабжена преамбулой, резюме и прочим...

Развал СССР блестяще подтвердил справедливость представлений Л.Н.Гумилева (1912-1992) об этногенезе и химерических этносах. Оправдалось и мое мудрое соображение: «Сколько веревочке ни виться, а... не бывать ей анакондой». Обстоятельства как-то не располагали выступить в поэтическом жанре, но кое-что все-таки наскреблось:

Где мои семнадцать лет?

*Денег нет и стула нет.
Ходит кот, прогнувши спину,
На диване муж - с-с-скотина.
В телевизоре у Розы глицериновые слезы,
От «чернухи» мухи дохнут,*

*На балконе юбка сохнет,
А на Канарских островах –
Все о правах, да о правах...
Но не грусти, моя подружка!
Приватизировал я пушку,
Козла, да восемь пар лаптей.
Давно уж таких ломтей
Не посылала нам удача...*

Дальше я не мог продолжать эти божественные рифмы, чтобы меня не заподозрили в экстремизме, а потому закончу в прозе; живите, как подобает жить разумным и свободным существам, а не как стае голодных тараканов. Никто не хочет признать, что мы теперь строим буржуазно-демократическое общество практически с нуля, т. е. не имея представления ни о функциональной природе мелкой и средней буржуазии, ни об элементарных принципах демократии. Основопологающим из последних является **р а в е н с т в о** людей перед собственным **з а к о н о м**. Если этого нет, то все разговоры о демократии – это лишь словоблудие и цинизм.

Перед законами природы равны действительно все: от атомов до галактик и от вирусов до биосфер. Но в силу тех же естественных законов нет и не может быть абсолютного равенства (тождества) между людьми, коллективами, государствами... На этой почве произрастают чудовищные пороки цивилизации, отнюдь не только современной и не только человеческой, если понимать под цивилизацией гораздо более широкое явление, а именно, – структурно-функциональную организацию бытия и сознания во всех пространственно-временных измерениях. Какого-то предписанного «свыше», т. е. субъективного, пусть и божественного, предустановления здесь просто не существует.

Вникать в эти вещи до истерики страшно и психологически чревато, но неотложную помощь опять оказывают драгоценные строки древней и мудрой «Дхаммапады»:

*Так низким душам суждено:
Высоких духом ненавидеть.
Стремленьем гибельным обидеть
Все сердце их измождено,
Но неожиданным ответом
К ним возвращается назад
Бездумно пущенный по ветру
Песок и ранит им глаза.
И никуда им не укрыться,*

*Их зло обратно к ним придет.
И в море рыбой, в небе птицей
В урочный час их смерть найдет.
Но им не слиться со вселенной,
Перерождаясь вновь и вновь
В зверином облике презренном,
Им сеять смерть и множить кровь.*

* * *

Идея рассмотреть историю войн и прочих общественно-политических конфликтов с точки зрения ненаглядной э к о л о г и и зародилась у меня в апреле 1982 года, во время скоротечного, но бурного Англо-Аргентинского конфликта из-за Фолклендских (Мальвинских) островов. «Мать честная! – внезапно сообразил я, – Да ведь у них там сейчас дело идет к зиме... То-то будет!».

2 августа 1990 г. войска Ирака вторглись на территорию Кувейта. 16 января 1991 г. вооруженные силы США начали военные действия против Ирака, а 1 марта 1991 г. Вашингтон сообщил об их прекращении... Собственно наземные боевые операции длились всего сто часов, но у меня к тому времени уже была готова обстоятельная записка «К прогнозу Экологических последствий войны в зоне Персидского залива». Увы! Она оказалась вроде бы и не нужной. Но маховик размышлений уже был раскручен:

*Я не хочу, чтоб хиленьким придатком
К прогрессу был усталый человек...*

Прежде всего, я перешерстил свои и чужие представления о том, как обстоят дела по части конфликтов в «дикой» природе. Естественно, это оказалось проще всего... «Борьбе за существование» посвящена необозримая литература. Можно утверждать, что сам себе «дарвинизм» в его современном виде появился за тысячи лет до Ч. Дарвина (1809-1882). Даже безобиднейшая геоботаника (фитоценология) именовалась тогда «фитосоциологией». Лесоведение, например, в этом плане орудует числом и мерой уже лет полтора. Но что такое даже 150 лет в жизни дуба или кедра, не говоря уж о 3-4-тысячелетних кипарисах и секвойях? Один мой старый приятель придумал чрезвычайно мрачный, но беспредельно справедливый афоризм: «Что бы вы о себе ни думали, а дерево, из которого вам сколотят гроб, уже давно растет». Довбляю: в условиях жестокой конкуренции...

С таким настроением ничего не стоило переметнуться из области «натуральной истории» в сферу бесчеловечных человеческих отношений. Для этого мне понадобилось совершенно кустарным

образом поднять обстоятельства и хронику около 500 войн и нашествий, революций и переворотов, восстаний, бунтов, путчей и пр. за последние 2500 лет, с особой тщательностью проследив события последних 200 лет. Удручающие статистические результаты подобных исследований достаточно широко известны: около 6% исторически достоверного времени человечество в его глобальных (планетарных) измерениях пребывало в мире. Так какое же состояние для людского сообщества более естественно?

Заглянул я холодным взглядом натуралиста и на страницы Библии: они буквально изнемогают от эпизодов насилия...

И для меня стало очевидным, что нелепо напропалую канючить об «экологических последствиях» тех или иных военно-политических или социально-экономических конфликтов, что мы делаем на каждом шагу... по следам событий. Гораздо важнее, во-первых, разобраться в сугубо экологических п р е д п о с ы л к а х для некоторых коллизий. Во-вторых, весьма полезно представлять экологические у с л о в и я, в которых назревают конфликты. В-третьих, следует ориентироваться в экологических с р е д с т в а х как агрессии, так и защиты от нападения. Именно в такой постановке вопросов отдельные печальные происшествия можно не только предвидеть, но и предотвратить.

Разумеется, во всех упомянутых выше аспектах имеет смысл различать, по крайней мере, действительно глобальный, полуглобальный («полушарный», по моей выдумке), зональный, региональный, локальный и бытовой у р о в н и пространственно-временных измерений.

И не надо думать, что эти и подобные прочие соображения, да еще основанные на огромном фактическом материале, я мариновал в письменном столе. Только мало кто и отважился публиковать соответствующие трактаты (газеты «Наука Урала», «Вестник Уральского союза», «Берегиня»)

В 1991г. мы выпустили научно-популярную книгу «Природа Тюменского Севера». На последнем в истории Всесоюзном конкурсе на лучшее произведение... она получила Диплом первой степени (без премии). Позднее, почти тем же составом и по заказу (!) мы подготовили к печати книгу по экологии Ямало-Ненецкого автономного округа - валютного цеха страны! Только она именно маринуется уже 10 лет, а в ней только рисунков-заставок к разделам и главам, работы профессора В.К.Рябицева, содержится около 100 (ста). Уж лучше бы мы просто плясали где-нибудь в подземном переходе!

*Десятки сотен дней звучит мой монолог.
В своей норе зализывая раны,
Лечусь предощущением тревог,
Живу предощущением буранов.
Гремят за стеной цепи времени.
Я серый гранит повседневности
Пытаюсь расплавить дыханием.
И видятся мне в непроглядной темени
Смутные контуры мироздания:
Из ничего раздула искру бытия
В потоке времени случайная струя.
Зачем столь многомерна пространства колея?
Кто объяснит? Не я, увы, не я...*

Лет семь я время от времени бубнил про себя этот стих, прежде чем дописал четыре последние строчки, Думаю, что мне, в конце концов, удалось хотя бы намекнуть на три высших добродетели добросовестного научного работника: сосредоточенность, звериное терпение и беспредельная вера в себя.

* * *

В январе 1992 г. я побывал на совещании в Центре подготовки космонавтов в Звездном городке. Предметом обсуждения были «Перспективы создания международной космической системы глобального экологического мониторинга (МКСГЭМ) и международного консорциума для эксплуатации этой системы». А время было тяжелое.

Не стану скрывать, что, чеканя шаг по улицам Звездного городка, я где-то в подсознании следовал ритму «Марша космонавтов», попутно припоминая хронику своего личного «запуска в космос»; июль 1957 г. - первый аэрофотоснимок в руках на соответствующей местности, 1968-1969 гг. - читаю спецкурс «Аэрометоды в геоботанике» в Уральском госуниверситете, с августа 1978 г. – начинаю работать с материалами съемки земной поверхности из космоса...

Первое столкновение с печальной действительностью происходит в ближайшем магазине. Лейтенант-летчик, возможно, будущий космонавт (!) униженно просит бутылку молока для своей недавно родившей жены, потому что у него нет «талона». Завидую его выдержке и взрываюсь, но у меня тоже нет вожделенного «талона»!

На совещании я блистал, как и подобает, несомненно, единственному там отставному «рядовому запаса, годному к нестроевой службе». Некоторые сообщения меня очень заинтересовали. Пришлось тоже выступить с обозначенных выше позиций. Сам по себе Центр подготовки космонавтов (ЦПК) произвел на меня огромное

впечатление лишь на следующий день, когда я оказался опять же единственным желающим совершить экскурсию. В сопровождении секретаря совещания – полковника и кандидата наук – я около пяти часов знакомился с диковинами Центра; учебные классы, тренажеры, знаменитый бассейн с «купальщиками» в скафандрах, «малый» Центр управления полетами, полный дубликат космической станции «Мир» и т. д.

Подозреваю, что эффект некоторых именно самых простых вещей рассчитан весьма лукавым психологом. Так, в салоне «Мира» я первым делом плюхнулся на табурет, вдвое поуже обычного кухонного, поерзал, поколупал скромненькую обивку: «Жестковато как-то! Что уж, для космонавтов не могли что-нибудь помягче?»

- Так невесомость же! – поясняет сопровождающий.

В углу на резиночках висит веселенькая ситцевая занавесочка:

- А там что?

- Это спальное место.

- Ничего себе! Так он там стоя спит?

- Так невесомость же!!

Чтобы покончить с этой темой, замечу, что в апреле 2001 г. на Международной конференции «Космос без оружия – арена мирного сотрудничества в XXI веке» я сделал доклад «Экологические аспекты космических исследований». Посмотрим, что будет дальше.

А тогда, в Звездном городке, у меня окончательно созрела идея а н т и н о с ф е р ы. Решающее влияние оказала работа над «Экологией конфликтов», которая первоначально была вообще задумана как «Экология насилия». Логика моих рассуждений восстановить не сложно.

«Я – атеист. Но зачем попусту задирать богов?» – с таким напутствием самому себе я покусился на престиж одного из главных своих богов – Владимира Ивановича Вернадского. Действительно, термин «биосфера» принадлежит не Вернадскому, но именно он создал учение о биосфере, в котором впервые числом и мерой «разложена по полочкам» структурно-функциональная организация этого планетарного явления. Однако, его «Размышления натуралиста», опубликованные лишь через 30-32 года после смерти, да и то с многочисленными редакционными купюрами (изъятиями), обратно лишь в приблизительной степени отражают конвульсии, в которых корчился разум этого великого философа, когда речь доходила до н о о с ф е р ы, как области пространства, в которой основополагающую роль играет именно человеческое сознание. Концепция ноосферы была и остается схоластической и в конструктивном отношении бесплодной.

В свое время я вдоволь порезвился, когда в качестве действующей (!) модели а н т и в с е л е н н о й предлагал всем желающим... головку сыру (И как меня не посадили в «психушку»?). Действительно, формальная логика безупречна; вселенная бесконечна, а головка сыра – вот она; миры во вселенной зависли в вакууме, а в головке сыра обитаемые (бактериально-водорослево-грибные, не говоря уж о бактериофагах) «миры» погружены в довольно-таки упругую массу; продолжить эти сопоставления – вполне достойное упражнение для раскрепощенного ума...

Мне нравится понятие «антропосфера», обозначающее пространственно-временные пределы текущих технических возможностей человечества, но только, по моим расчетам, за последние 50 лет упомянутые пределы расширились в три миллиона раз. Любители громоздких вычислений могут последнее утверждение проверить: стационарные орбиты рядовых спутников связи пролегают на высоте 36 тыс. км над уровнем моря... А для разума и воображения границ не существует.

Ноосфера, на взгляд многих, – нечто безусловно созидательное, но совершенно бесформенное и малоосязаемое. Думается, что можно объяснить, если рассуждать «от противного». Концепция антиноосферы как раз и помогает расставить все по своим местам.

В структурно-функциональной организации антиноосферы достаточно объективно выделяются, по крайней мере, три основополагающих элемента: глобальный военно-промышленный комплекс (ВПК), преступность во всех ее разновидностях и, так сказать, «информационный блок». Содержание последних вполне измеримо в известных физических и коммерческих величинах.

Когда президенту Франклину Делано Рузвельту (1882-1945) доложили, что создание п е р в о й атомной бомбы потребует примерно 85 миллионов долларов, он схватился за голову. Но на практике бомба обошлась в два миллиарда... Ничего себе ошибка – в 23,5 раза! А ведь считали чуть ли не сплошь нобелевские лауреаты... Всемогущая научно-техническая американская корпорация «РЭНД» в свое время спрогнозировала дату запуска Первого искусственного спутника Земли с фантастической точностью, но допустила грубейшую политическую ошибку: Спутник-то оказался не американским, а советским!

От неисчислимого количества подобного рода фактов раскипятится и компьютер, а в осадке останется очень простой вывод: 70-80% своих и чужих природных и трудовых ресурсов, а также технико-экономического и интеллектуального потенциала самые высокоразвитые страны мира употребляют на производство орудий самоуничтожения. Короче, все, как в анекдоте: «Работаем

детскую коляску, а все равно получается пулемет». И это называется ноосферой? Нет, это территория а б с у р д а, имя которой – антиноосфера. «Военный угар – это бич человечества, более страшный, чем все пороки вместе взятые», по словам Ламетри, сказанным более 250 лет назад, по-прежнему торжествует над здравым смыслом, только более изощренно.

Разоблачать и клеймить преступность – занятие в данном контексте совершенно неуместное. Она имеет богатое прошлое, роскошное настоящее и, к сожалению, светлое будущее. Естественная динамическая классификация преступлений ничуть не сложнее, например, классификации научных знаний, типа УДК. Обучиться основам любой преступной профессии можно за неделю с помощью книг и телевидения.

Беда в том, что в преступных промыслах задействованы, как правило, смысленные люди, к тому же вооруженные новейшими достижениями современной техники... Именно поэтому я и отношу данную и завидным образом организованную разрушительную человеческую с т и х и ю к элементам антиноосферы.

Г л а с н о с т ь, как неотделимый атрибут подлинной демократии, в последнее столетие получила, казалось бы, беспредельные возможности для развития, благодаря ослепительному прогрессу средств массовой информации. Увы, последние моментально оказывались в руках негодяев, озабоченных только жадной в л а с т и и всего того, что к ней прилагается.

Упомянувшийся мною Свами Вивекананда в свое время горько сетовал: «...величайшие люди прошли незамеченными. Будда, Христос, которых знают, – это герои второго порядка в сравнении с теми более великими, о которых мир не знает ничего. Сотни таких неведомых героев жили в каждой стране; они работают в молчании, в молчании живут и в молчании умирают» (1936, с.28). Действительно, для оболванивания теперь уже миллиардов обездоленных людей эти чудаки решительно не годятся.

Тенденциозная пропаганда (в т.ч. насилия и порнографии), дезинформация, назойливая и пошлая реклама, красноречивое замалчивание общеизвестных фактов и многое другое с ураганным грохотом или вкрадчивым шепотом обрушивается на хлипкое общественное сознание. Переход от строгой информационной диеты к вседозволенности Интернета сам по себе чреват клиническими эффектами. На этом фоне созидательная функция информации сплошь и рядом обращается в свою противоположность, т. е. становится могущественным элементом антиноосферы. И главное, что все это происходит с молниеносным ускорением.

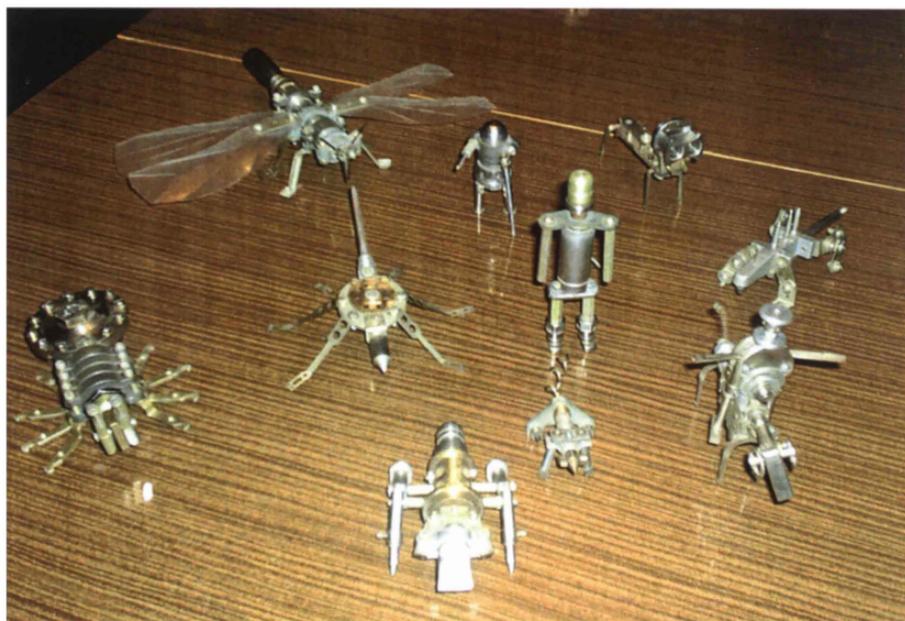

Фото 4. «...Потом я сконструировал целую плеяду монстров».

Фото 5. «Ядрена вошь».

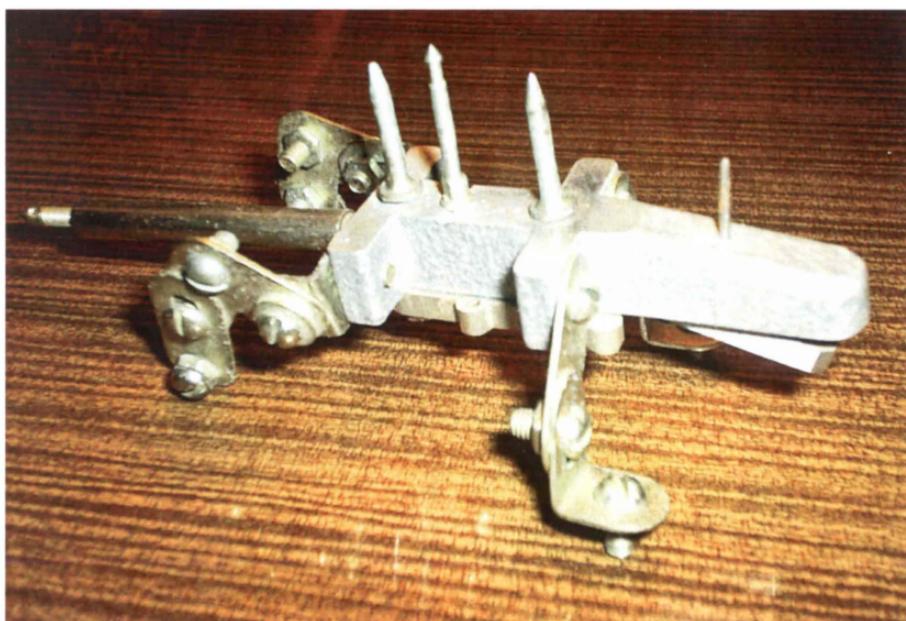
Фото 6. Пилигримы.

Фото 7. Стрекоза.

Фото 8. Дракон.

И все бы ничего, но три рассматриваемых «кита» антиноосферы взаимопроникают и активно взаимодействуют. А тогда возможны: сращивание ВПК с преступностью (торговля оружием), информационная поддержка преступности (культ насилия), давление ВПК одновременно на средства массовой информации и на преступность, давление последней на все прочее... Разумеется, каждое из упомянутых явлений в теории имеет соответствующую «этикеточку», как стрекоза на булавке, а на практике все они подчиняются непознанным законам эволюции и структурно-функциональной организации антиноосферы, как неустранимой и влиятельнейшей принадлежности нашего бытия и сознания.

Перефразируя известную сказку, замечу, что я – не Нострадамус, а только учусь. Поэтому мой прогноз весьма приблизительный:

*Шустрой блохой, смертоносным облаком
Расплата настигнет любого из нас:
И тех, кто не хаживал босиком;
И тех, кто не нюхивал ананас.
И мы еще будем (!) сидеть на деревьях,
Швыряя друг в друга слова, как гранаты.
Свирепыми ордами в смрадных кочевьях
Забудем про книги, холсты и сонаты!*

Совершенно обалдев от собственных пророчеств, я еще пытался как-то их конкретизировать:

*Лукавые «слуги народа», путаны,
Чиновники Бога, жрецы чистогана,
В науках успевшие интриганы,
В погонах удачливые хулиганы...
И прочие все без хвоста обезьяны
Уйдут в лопухи или хрен (кому ближе),
Но разведем наш прогноз чуть поуже:*

В романе американского писателя-пацифиста Курта Воннегута (1922-2007) «Колыбель для кошки» упоминается 14-й том сочинений одного из героев. Этот том озаглавлен – «Может ли разумный человек, учитывая опыт прошедших веков, питать хоть малейшую надежду на светлое будущее человечества?», а содержание всего тома исчерпывается одним коротким и убийственным словечком «Нет».

В 1997 г. в газете «Наука Урала» я опубликовал статью «Антиноосфера: вчера, сегодня, завтра». Позднее она дважды была перепечатана в других изданиях. Почти десять лет спустя однажды

вечером я попросил дочь пошарить в Интернете и поискать что-нибудь об антиноосфере: компьютер долго пыхтел, а мы расширяли поиск и надували щеки. Наконец машина выдала короткую справку: «Заплати денежку».

* * *

«Экология конфликтов» продвигалась медленно не от недостатка, а от переизбытка вопиющих фактов. Я отчетливо понимал, что проблемами, которые меня интересуют, занимаются десятки, если не сотни, специализированных научно-исследовательских учреждений только в нашей стране. Однако, именно на подобном фоне всегда найдутся лазейки, лабиринты и катакомбы, в которых одинокий странник обретет убежище и печальный конец или спасительный выход: «Мал клоп, да вонюч!» – гласит в аналогичных ситуациях народная мудрость.

Буквально «под занавес» этой работы мне вздумалось сделать серию региональных обзоров конфликтных ситуаций. Напомню, что сам «проект» зародился под влиянием событий в зоне Персидского залива. Публицистический очерк «Кавказская политика России: история, состояние и перспективы» мне удалось протолкнуть в толстый журнал «Урал» (2002, №1). Не скрою, что я был неприятно поражен, когда увидел свой очерк на треть урезанным без всякого согласования со мной. В научной литературе так не принято, господа! Там я мог бороться, как лев, за каждую запятую, поскольку даже она подчас меняет смысл фразы... У десятков славных имен вычеркнуты даты жизни, а ведь именно последние отличают историческое сообщество предшественников, современников, преемников и единомышленников от случайного скопления людей. Даты жизни персонажей погружают нас в материальную и духовную атмосферу соответствующей эпохи.

Следующий обзор, по моей причудливой логике, посвящен Средне-Азиатскому региону, начиная от Казахстана и кончая Индией. По известным причинам, в центре внимания был все-таки Афганистан. Творческое наследие одного только Николая Ивановича Вавилова (1887-1943) в части Афганистана заслуживает не просто благоговейной памяти, а повседневного использования на практике. Не знаю, что кому оказалось не по зубам, но рукопись была мне возвращена без объяснения каких-либо резонансов. «Я стою у ресторана: замуж поздно, сдохнуть – рано» – гениально все-таки придумал драматург Николай Коляда – главный редактор журнала «Урал»...

«Интересы России в Африке» – примерно так должен был называться последний очерк из упомянутой серии. Соответствующий

шая «папка с ботиночными тесемками» разбухла от любопытных материалов, но дело так и не дошло до оформления текста. Зачем «метать бисер»? И все-таки я его посеял, да еще прямо на «Поле чудес»:

*Гаврила в ботанике доктор наук,
Природу он знал досконально,
Составить кроссворд или лапти сплести
Он мастером был идеальным.*

*Его пригласили на «Поле чудес»,
И тут уж нельзя отказаться.*

*Гаврила к начальству: мол, так, мол, и так,
А мне до Москвы не добраться...*

*Всем миром собрали Гаврилу в Москву:
Пускай на нее подивится!*

*Нашли дополнительно сорок рублей,
Чтоб скушал в «Макдональдсе» пиццу.*

*Три буквы Гаврила подряд отгадал.
Ему принесли две кубышки.*

*Напрасно Гаврила в затылке чесал,
Досталась Гавриле пустышка...*

*Но спирт... нашатырный творит чудеса!
Гаврилушка враз оклемался.*

*И с новым азартом продолжив борьбу,
В финале игры оказался.*

Исторический, житейский и философский смысл этой «чудесной» притчи вряд ли нуждается в разъяснениях. Чужеземец все равно ничего не поймет, а наш Гаврила любой квалификации закатит глаза и вякнет что-нибудь про «халяву».

К началу нового тысячелетия у меня как-то сгрудилась куча беспризорных работ. На какие-то замахнулся, но не осилил, а для других просто время еще не пришло. Преобладают, однако, результаты исследований, которые опять же просто никому не нужны. Действительно, зачем было нужно кому-то в свое время доказывать, что Земля вращается вокруг Солнца, если 460 лет спустя, по данным социологических исследований, до 30% землян убеждены в противоположном? Это сколько же Николаев Коперников (1473-1543) на каждый процент вольнодумства?

А тут еще и Федор Иванович Тютчев (1803-1873) со своей предзакатной лирикой подвернулся:

Но пару лет спустя нужда заставила меня вновь заглянуть в эту книгу. Особое внимание привлекало Послесловие от лица Б.С. Соколова и С.В. Мейена. Эти двое на шести страницах разложили все проблемы по полочкам, так что я уже считал своим профессиональным и гражданским долгом написать «Введение в общую теорию Жизни». Позднее, в переписке и при редком личном общении с Сергеем Викторовичем Мейеном (1935-1987) мне так и не удалось обсудить с ним эту затею, поскольку всегда были неотложные дела, но я глубоко убежден, что он бы кувыркался от удовольствия, «Какой-то лесник устрепал ведущих палеоботаников-эволюционистов!» – восторгался он при первом нашем знакомстве. «Какой-то шотландский лесник Патрик Мэтью в 1831 году устрепал самого Дарвина!» – с достоинством парировал я.

Итак, ровно 13 августа 1987 г. мне на стол залегла очередная «папка с ботиночными тесемками». А на ее развороте было записано: «Сердцам людей равно милы и новые идеи, и старые, преподнесенные по-новому». Так некогда выразился французский писатель и философ Антуан Ривароль (1753-1701) – ярый монархист, насмешник и проповедник морали, независимой от религии. Разумеется, и старые идеи можно преподнести по-старому, но в принципе, старый вольтерьянец прав.

А появление соответствующей «Папочки» просто обозначало, что в моем сознании к тому времени вполне сложились основные идеи, композиция и логика упомянутого трактата. Отмечу, что он был закончен в 2004 г. А длительный промежуток был заполнен борьбой за существование, в самом что ни на есть дарвинском смысле. Даже список литературы выдает меня с головой: я слишком долго не прикасался к рукописи. Но уверен, что за это время в науках о жизни не произошло каких-либо революционных изменений.

Московский писатель Ю.Э. Медведев некогда написал мне о своем застарелом споре с питерским писателем Даниилом Граниным по поводу изобретений и открытий. Гранин утверждал, что открытие – это «Ого-го!»: за всю историю несчастного СССР последних зарегистрировано меньше ста, и только за единицы из них даны нобелевские премии. Медведев, на мой взгляд, справедливо возражал, что открывается лишь то, что и без того реально существует в природе (звезда, вирус, элементарная частица), а изобретается нечто новое, чего в природе нет и быть не может (колесо, динамит, зажигалка). Да ежегодно оформляются и регистрируются тысячи изобретений, но ведь и открытия совершаются миллионами; младенец, изучая мир, не заглядывает

в энциклопедический словарь, а микробиологи, ботаники и зоологи продолжают открывать новые виды организмов... Короче, изобретатель – подлинный творец, а не «зануда-открыватель».

Неисчислимы полчища мудрецов, остряков и глупцов искали и, как им казалось, находили универсальное определение Жизни как таковой, т. е. во всех ее структурно-функциональных и проространственно-временных измерениях. Великий пролетарский поэт Маяковский (1893-1930) некогда ядовито заметил, что «Планетишка наша для веселья мало оборудована». От себя добавлю, что зато она великолепно «обустроена» для иронии. Действительно, астрофизики давным-давно примирились с осознанием эфемерности нашей уютной Вселенной, предрекая ей неизбежную гибель через каких-нибудь несколько десятков миллиардов лет. Биологи и медики столь же хладнокровно наблюдают в организме среднего и внешне вполне благополучного человека рождение и гибель от 2,5 до 10 миллионов эритроцитов в секунду... И вот, между этими двумя условными полюсами (Вселенная - эритроцит) лежит обширное поле иерархически организованных явлений жизни, суть которой хочется выразить в нескольких словах, типа «Жизнь есть способ существования белковых тел».

По воспоминания А.Ф. Кони (1844-1927), Иван Сергеевич Тургенев (1818-1883) с большим искусством передавал сентецию своей квартирной хозяйки-немки: «...жизнь – это как мух: пренеприятный насеком!» (1989, с.132). Немного подредактировав, приведу сравнение испаноязычного писателя (?) Хуана Мадрида: «Жизнь – это как лестница в курятнике: коротка и вся в дерьме». Интересно все-таки, а что такое жизнь с точки зрения курицы? Сам Александр Сергеевич откликнулся на эту проблему:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?*

Предельно лаконично поэт отразил в е р о я т н о с т н ы й характер явлений жизни на всех ее уровнях. К сожалению, мне не встречалось столь же изысканных деклараций по поводу к о м б и н а т о р н ы х способностей биологических объектов и их отдельных свойств. Под этим подразумеваются не только возможности размещений, перестановок и сочетаний индивидов любого ранга, но и неаддитивность, комплементарность и взаимодополнительность группировок последних... Вот и попытайтесь подобрать соответствующие рифмы.

Теоретически обычно выделяют три-пять уровней организации жизни; например, биосферный – биогеоценотический – популя-

ционный – организменный, справедливо признавая, что вообще-то этот спектр может быть продолжен в обе стороны, а также заполнен промежуточными категориями. Именно это я и проделал, отметив одновременно фундаментальные особенности элементарных единиц, теперь уже, каждого из трех-четырёх десятков обсуждаемых подразделений. Например, между уровнями биосферы и биогеоценоза (как элемента ландшафта) прекрасно вписываются экосистема Мирового океана, зональные биогеографические комплексы, экосистемы материковых водосборов Мирового океана, экосистемы водосборных бассейнов рек 1-го порядка и т.д. Между популяционным (демографическим) и организменным уровнями исправно выстраиваются никак не меньше десятка суверенных типов структурно-функциональных группировок организмов. Сам по себе организм даже такого шикарного существа, как человек, является вместилищем для целых миров микроорганизмов... В свою очередь, внутри самой задрипанной бактерии бушуют такие страсти, что парламент любого разлива только позавидует... Так низшей элементарной единицей биологического д е й с т в и я у меня стал квант или фотон.

* * *

Размышляя о Жизни, как о чертовски и архианафемски интересном я в л е н и и, да еще с позиций высоколобой академической науки, самое время сделать шаг в сторону и посудачить о жизни, как чрезвычайно увлекательном з а н я т и и. Кто-то недавно высказался покруче Козьмы Пруткова: «Нельзя запихнуть невпихуемое», но попытаться все-таки можно.

На коньки и лыжи я встал в пять лет. Для так называемых «Снегурочек» (фигурных коньков) не нужен лед, а поначалу даже противопоказан (чтобы сберечь нос). Сама процедура крепления коньков на валенки требует высокого мастерства. Суровая школа футбола осваивалась в трескучие морозы на заснеженных просторах дворовых картофельных плантаций: хороший удар кирзовой покрышкой, туго набитой травой, валил с ног самого бравого защитника ворот. Благородное искусство кулачного боя постигалось сначала в детском саду-интернате, затем в послевоенной мужской школе-десятилетке, а также в неисчислимых уличных драках. Правила были неукоснительно строгие: один на один, лежачего не бить, ногами не пинаться, с девицами не связываться, после появления крови схватка прекращается и т.д. Применение какого-либо личного оружия (у нас его было навалом), а также авторитета папенок и маменок категорически исключено.

Даже теперь, когда мне 70 лет, глядя на расшалившегося раскормленного мордворота, я автоматически прикидываю: смогу ли я завалить его точным ударом справа или понадобится серия молниеносных ударов суперлегковеса? Увы, рыцарские времена канули в Лету...

Бригадой из трех главных и единственных в своих семьях мужиков 8-10-летнего возраста мы сначала распиливали, раскалывали и складывали по две машины дров друг для друга, затем подражались делать все это соседям. Надо заметить, что тариф у нас был более высокий (!), чем у взрослых мужиков – профессионалов. Первую в своей жизни авторучку (она тогда называлась «самопиской») я приобрел именно за свой «лесопильный гонорар».

В десять лет маменька («татап», ежели по-французски) отвела меня в музыкальную школу, чтобы я учился играть на отцовском баяне. Уместно подчеркнуть, что в 2007 году вполне подобающе достойно отметить 100-летие русского баяна. Действительно, название «баян» впервые было дано четырехрядной усовершенствованной хроматической гармонике ее конструктором П. Е. Стерлиговым и гармонистом Я. Ф. Орланским в 1907 году в Петербурге. Ближайшими предшественниками баяна были четырехрядная петербургская и трехрядная «венская» гармоники. Последняя была изобретена немецким мастером Г. Мирвальдом в 1891 году... Некоторые высокомерные «симфонические» музыканты, а больше всего – рафинированные околмузыкальные барыньки до сих пор считают баян инструментом черни и грязных кабаков, но пусть это убеждение остается на их утонченной совести.

Да, баян – это не «рояль в кустах», это орган, оркестр в одних руках, надежный спутник и добрый помощник в самых неожиданных ситуациях. А тогда, в 1947 г., я просто разрыдался, едва музыканты-педагоги вздумали уговаривать меня учиться по классу скрипки или фортепиано. Я не хотел быть профессиональным музыкантом, поскольку моим любимым литературным героем был, да пожалуй, и остается инженер Сайрес Смит из романа Жюль Верна (1828-1905) «Таинственный остров». Прочувшись три года, я достаточно овладел техникой игры, выбросил из головы нотную грамоту и стал баянистом-«слухачом», т.е. воспроизводил на слух любую удобную мне мелодию. Мой преподаватель - Степан Гаврилович Ваганов был глубоко разочарован, но я его предупредил. К окончанию средней школы у меня осталось 8 % зрения, так что я был вполне готов стать слепым музыкантом.

Мир увлечений, без которого и жизнь не в жизнь, в чем-то остается неизменным с античных времен, а в чем-то эволюционирует с головокружительной скоростью. Раньше рассуждали просто: хочешь разорить ближнего - подари ему фотоаппарат, а все остальное он доделает сам... Список твердых (включая очень дорогие предметы, типа увеличителя, сменных объективов и пр.), жидких, газообразных (см. предыдущий пункт) и в и р т у а л ь н ы х принадлежностей для уважающего себя фотографа-любителя включал сотни наименований. Под виртуальными я подразумеваю ценные советы знатоков и многообещающие ужимки фотомоделей.

В 1949 г. мы, т.е. десяток пятиклассников с учителем географии поехали в поселок Березовск под Свердловском на геологическую экскурсию: спускались даже в действующую шахту, но больше всего нам понравилось ползать по отвалам. Не представляю, как это удалось организовать, но прямо с экскурсии мы всей бригадой заехали на квартиру к известному геологу и краеведу, профессору Модесту Онисимовичу Клеру. Он взялся немедленно и с увлечением определять минералы и горные породы из наших сборов. Меня похвалил за то, что я не погнался за внешним великолепием, а взял невзрачный, но тяжеленький образец. Это полиметаллическая руда: в ней содержится золото, серебро и куча других металлов - пояснил Клер. Потом все сфотографировались и уж совсем потом он пошел нас провожать по улице Декабристов, попутно рассказывая об окрестностях. С тех пор я не упускаю возможности пополнить свои знания в области геологии. Жить на Урале и не разумеешь ее основ – непростительный грех.

В 1971 г. я перевелся на работу в Ильменский госзаповедник, а затем перевез и семью в город Миасс. Так что подавляющая часть моей сознательной жизни протекает именно здесь: отсюда я совершил дерзкие маршруты за Полярный круг и на Аральское море (в один сезон), на Подкаменную Тунгуску, в Молдавию и на Тянь-Шань, разумеется, под эгидой родного Института экологии растений и животных УрО АН СССР. А поначалу я просто попал в «минералогический рай», да еще при таких «привратниках», как А.Г. Баженов, В.А. Коротеев, В.Я. Левин, не говоря уж о налетных академиках и членкорах соответствующего профиля. Перед своими заезжими коллегами я, в свою очередь, мог блистать рассуждениями о «Щелочной провинции Ильменских-Вишневых гор (формации нефелиновых сиенитов Урала)».

Пространство нашей вожденной «хрущевки» улучшенной планировки мгновенно заполнилось «уникальными» каменными экспонатами, которые действительно можно находить даже в го-

роде на каждом шагу. Рискуя напрочь загубить свою вполне благополучную семейную жизнь, я бросился сначала обрабатывать камень, затем тихо работать с металлом, наконец, занялся любовью своему сердцу древесиной. Разумеется, все это осуществлялось в перерывах между бесконечными командировками и экспедициями, а также в ночные часы бесплодных размышлений. Руки требовали тонкой приятной работы, а голова – отдыха.

Сначала я вытесал топориком из темного талька фигуру неизвестного науке палеозавра (естественно, не на кухне, а на берегу реки). Домашним это изделие так понравилось, что они мигом отломили несчастному длинный зубчатый хвост. Пришлось капитально закруглить тыловую часть фигуры. Потом меня потянуло на библейский сюжет (Ева, Адам и змий-искуситель), затем - на античный (Эдип и сфинкс). Наконец, я взял за правило брать с собой в дальние странствия кусок благородного талька, величиной с ладонь, и резать по нему, что взбредет в голову в часы долгих ожиданий где-нибудь в аэропорту или на пристани. Уверяю, что это неотразимое средство привлечения массового внимания и способ обольщения наивных поклонников высокого искусства: «Черный квадрат» просто отдыхает... Под занавес я задумал сотворить «чашу с виноградными гроздьями», но для окончания этой работы нет подходящих ...экологических условий.

Перед металлом и людьми, которые с ним обращаются, как с пластилином, я буду преклоняться до конца своих дней. Для меня всегда было тяжелой душевной травмой видеть какую-нибудь крохотную блестящую «железячку» затоптанной в грязь... Мне сразу приходило в голову, что на изготовление этой злополучной детальки потрачен труд сотен людей, которые вместо этого могли бы просто валяться на пляжах под кокосовыми пальмами. Более того, такая «безделица» является иногда шедевром не только инженерного мастерства, но искусства, опять же покруче пресловутого «Черного квадрата». Обида за геологов, шахтеров, металлургов, конструкторов, технологов токарей, сборщиков, а также прочих и прочих безвестных тружеников заставила меня сначала собирать и копить этот бесценный металлолом. В одну прекрасную ночь я засел на кухне и соорудил робота, основой которого стали анодированный цоколь от старой люстры и корпус будильника... Жена поставила его на пианино, что по всем нормам международного права означает наивысшую оценку.

Потом я сконструировал целую плеяду монстров.

Основным принципом было собирать их исключительно на резьбовых соединениях и крепежных деталях, т. е. ничего не от-

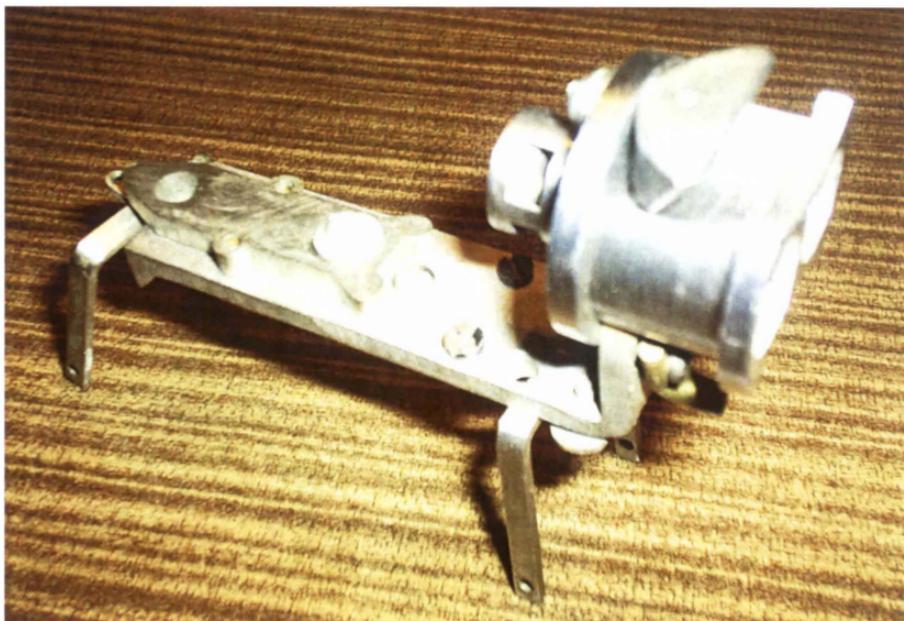

Фото 9. Собака Баскервилей.

Фото 10. Дон Кихот.

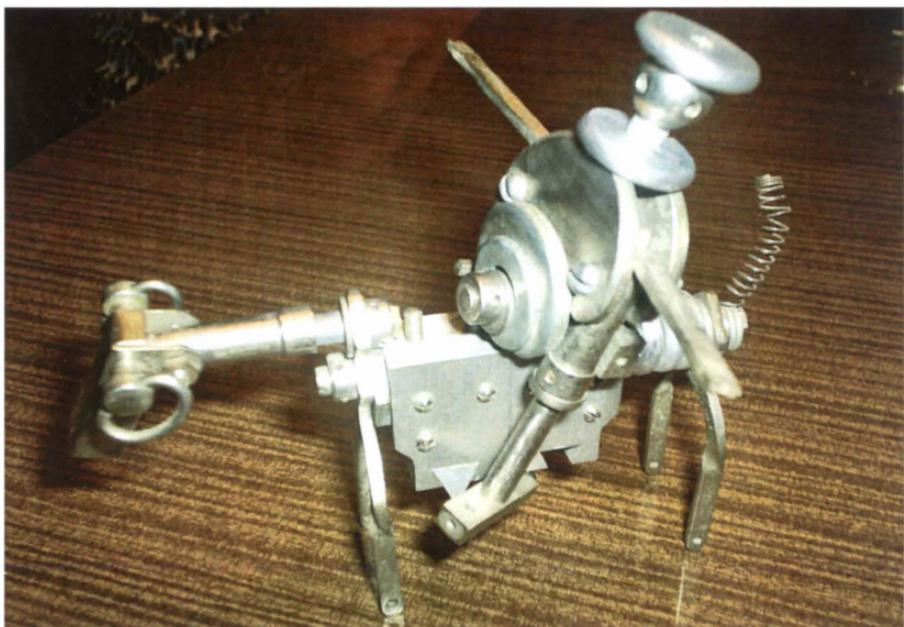

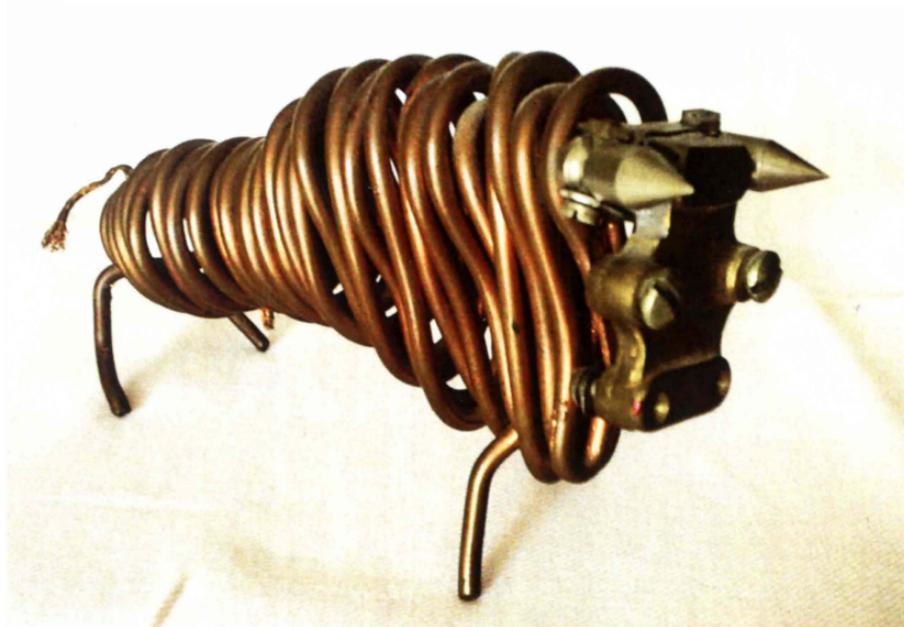

Фото 11. «Фантазия на острие отвертки».

Фото 12. Ящер.

Фото 13. Бычок.

пиливая и не припавая. Так что любую композицию можно демонтировать и употребить на другие нужды мгновенно.

Были и курьезы. Например, задумал сделать громадного паука, но не нашлось с дюжину деталей для придания чудовищу должной «членистоногости», и получилась «ядрена вошь».

В конце концов, рассматриваемая композиция упокоилась в гараже, как и многие гораздо более достойные вещи.

Но я все-таки ухитрился опубликовать в местной газете статейку «Фантазия на острие отвертки», после того как ее отвергли в журнале «Знание-сила», где меня вообще-то знали... А потом мы удивляемся, почему это аналогичные безделушки продаются на международных аукционах за сотни тысяч долларов?

Венцом творения в этом жанре стал все-таки бычок, сделанный в год «Быка», по какому-то там восточному календарю, из куска медной проволоки. Дальше я решил в этом жанре не выступать, поскольку появилось новое увлечение, основанное на с и н т е з е предыдущих навыков.

Мои биографы когда-нибудь отметят, что, занимаясь, например, космосом, я и в кухонном рукоделии переключаюсь на соответствующую продукцию. Так, кусок березового «капа» (патологического тканевого образования, типа раковой опухоли) однажды представился мне в виде ...глобуса Марса. Действительно, на поверхности отполированного капового шара отчетливо просматриваются пресловутые «каналы», «морья» и кратеры. А дальше – уже дело техники. Таким образом и был задан масштаб для очередных поползновений в этой области.

Глобус Меркурия был сработан из древесины саксаула. Темный и светлый участки шара удачно отразили контраст между постоянно солнечной и теневой сторонами планеты. В качестве осей глобусов использовались обрезки велосипедных спиц.

С Венерой пришлось повозиться. В конце концов голубая планета кислотных туманов нашла свое воплощение в куске благородного талька. Отверстие для глобальной оси проходило сверлом собственной конструкции, подставка в интересах устойчивости заливалась свинцом, наклон оси можно регулировать, как и у всех прочих глобусов. Плутон был изготовлен из древесины сирени.

Создание глобуса Земли, размером поменьше моего кулачка, положило конец моим необузданным астрономическим фантазиям. Тут уж надо было быть географически точным. Болванку из пенопласта я довел до идеальной формы с помощью папье-маше. В полюса были запрессованы латунные втулки, поверхность отшлифована и загрунтована. Для нанесения координатной сетки

была изобретена соответствующая триангуляционная оснастка. Наконец, по трапециям и масляными красками нанесена вся географическая ситуация.

Общий результат оказался вполне предсказуемым: на некоторое время мне пришлось переквалифицироваться в лектора с бессмертной темой «Есть ли жизнь на Марсе?».

- А где же планеты-гиганты Солнечной системы? – начинали капризничать случайные посетители моего «планетария».

- Но вы же сами говорите, что они - гиганты! Где же я их должен держать, на балконе что ли? – резонно парировал я претензии.

Что касается жизни на Марсе, то по моему твердому убеждению, она там непременно существует в погребенных слоях литосферы в форме сообществ бактерий, плесневых грибков и др.

Гораздо актуальней проблемы, связанные с формированием и динамикой совершенно новой среды в околоземном космическом пространстве. За истекшие 50 лет в него «запущены» тысячи тонн так называемого «космического мусора», состоящего из миллионов учетных единиц – фрагментов. Эта новая экологическая ниша не блещет комфортом, но и она, по законам природы, не может пустовать.

* * *

К трепетным отношениям с древесиной меня обязывал прежде всего «фамильный» долг: кто-то из моих отдаленных предков рубил дома, строил корабли и мосты, возводил храмы и отбивался топором от медведей. Затем понадобилось обогревать свое жилье дровами, а скромный таежный комфорт - костром. Потом пришлось строить свою академическую карьеру на примере сообществ древесных растений, как самых долголетних живых существ. Наконец, года четыре назад вдруг невыносимо захотелось вплотную поработать с древесиной, как сырьем для ювелирных изделий.

Решающей предпосылкой для последнего намерения послужил тот вопиющий факт, что древесина ценнейших пород вывозится от нас до сих пор за кордон эшелонами. Точно так же, только мешками, вероятно, уходят прочь изумруды и алмазы... Разумеется, можно еще долго притворяться, что ничего подобного не происходит, но тем временем утекут неизвестно куда и мозги.

*Ржавый скрип заскорузлых мозгов,
Что можешь поведать ты миру?*

Итак, на старости лет задумав затмить несравненного Карла Фаберже, я мигом осознал, что гораздо полезней основать коллекцию д р е в е с и н ы хотя бы самых распространенных дере-

вьев и кустарников нашей страны. Не стоило пренебрегать и экзотическими породами, если представится такая возможность. И тут меня охватило глубочайшее сожаление: ведь еще в 1963 году я взял на Кавказе образец древесины самшита, величиной с буржуйскую сигару, и сделал из него позднее пролетарский мундштучек. В 1973 году открыл для себя знаменательный факт: в древесине сирени обыкновенной на поперечном срезе выделяются разрозненные кольца фиолетового цвета. Это ли не подсказка? И я сделал для жены бусы из сирени. Вот говорят: Фаберже, ах, Фаберже... Да Плотников же! Но до генеральной идеи было еще далеко.

Исключительно по дурости какое-то время резал из липы и тополя маски, пока не придумал свою технологию: из листа ватмана выстригается нужная конструкция, затем грубыми стежками и суровой ниткой сшивается каркас, т.е. плоская модель обретает объем; мелкие детали, типа ушей или носов, выкраиваются и пришиваются на место, а дальше идет в ход банальная техника папье-маше. Раскраска – вот поприще, на котором остается шанс для большого таланта.

Как раз в ту пору я занимался древесными опухолями (капами) и «ведьмиными метлами», в общем виде - тератами (уродствами органов и тканей на генетическом уровне). Я пилил их десятками, а учитывал и наблюдал в природе сотнями. Сама по себе идея исследования до смешного проста. В годичных слоях древесины запечатлена вся хронология: история жизни древесного организма до и после появления опухоли, а также история развития самой этой «бяки». Ничто не мешает хирургическим и экспериментальным вмешательствам в ход событий (это все-таки не вивисекция). К тому же совсем не обязательно рубить несчастное дерево: иногда достаточно взять от него буровые образцы древесины (керы), толщиной около двух миллиметров.

Результаты могут быть оглушительными. Во всяком случае, после первой и, к сожалению, последней публикации по этому поводу мы получили около десятка откликов только из-за кордона. В том числе из пресловутого Барилоче в Аргентине, где, по слухам, в свое время скрывался от возмездия Адольф Гитлер. А журнал «Химия и жизнь» поместил на своей странице дружеский шарж: симпатичный очкарик и крючконосая старушка поливают из лейки дворницкую метлу, воткнутую черенком в землю.

«Зачем делать то, что сделают все равно немцы?» – выговаривал Тимофеев-Ресовский в узком кругу своих адептов, подразумеваемая под «немцами», на старорусский манер, любых педантичных, исполнительных и трудолюбивых иностранных ученых. Дей-

ствительно, «Главное – прокукарекать! А потом хоть и не рассветай!» – примерно так я парировал его упрек о том, что я отодвинул в сторону это перспективнейшее направление фундаментальных исследований, занимаясь гораздо более приземленными вещами, типа эволюционной теории. Похоже, именно в этом эпизоде Дед прослезился во второй раз при нашей последней встрече.

В память о своем разбойничьем налете на общую теорию злокачественного роста и развития организмов, органов и тканей, на примере древесных растений, я сохранил несколько экспонатов. Один из них называется «Мозг ученого секретаря». Суть в том, что совмещать функции активного исследователя и научного администратора довольно неуютно, хотя некоторые деятели только тем и живы. А у нормального человека при этом какая-то часть мозга, мягко сказать, перерождается.

Так и у меня, преклонение перед художественными достоинствами березового капа сначала переродились в упомянутый выше глобус Марса, а затем выродилось в банальную рукоятку для трости. Правда, оставаясь верным себе, я тотчас настроил «Трактат о трости» в местную газету. А о рукоятке моего любимого охотничьего ножа без скрежета вставных челюстей не хочется и вспоминать: «Таможне мзды не даем-с!». Отличная была каповая рукоятка...

В 1984 году мы всей семьей стали счастливыми обладателями сада, т.е. получили в свое полное распоряжение четыре колышка и три сотки голой земли из под сельхозпользования... Самые тщательные поиски хотя бы одного дождевого червя не увенчались успехом: почва была мертва, как мумия фараона, если не исчислять личинок проволочника и майского хруща. В садово-огородную эпопею тогда были втянуты десятки миллионов людей. Это была самая грандиозная после массовой коллективизации сельского хозяйства и гениальная в своем цинизме афера агонизирующего коммунистического режима. Ее далеко превзошла лишь последующая приватизация государственной и общественной собственности.

Однако, пришло время не просто пожинать плоды своего садового хозяйства, но и удалять отработавшие свой век плодовые деревья, ветви и кусты. И тут я отметил, что иногда самые задрипанные сухие веточки распробанного кустарника дают на срезе, разумеется, после полировки, великолепный рисунок (текстуру, ежели по-ученому). А ведь я и точил на станке разные бытовые детали из древесины, изучал и жизнедеятельность древесных и кустарниковых растений в экстремальных экологических условиях, делал ожерелья из «греческих» орехов...

«Нет! Дурак, осознавший, что он дурак, - уже не дурак!» - и под этим залихватским девизом я пустился наверх стывать упущенное. Раскрывать секреты этого искусства я вообще-то не расположен даже на костре инквизиции. Но если очень хочется, то можно обойтись и без всех этих ужасов.

«Древесина – она же живая!» – потрясал я перед первым встречным знакомым ожерельем из 20-30 образцов древесно-кустарниковых пород древесины. Бедняга шараялся от меня, как от чумного. А я вслед ему орал: «Хотите? Я по две минуты порасскажу о каждом из экспонатов! Всего час-полтора!! Не пожалееете!!! Озолотитесь!!!!».

А если серьезно, то именно я придумывал и набрасывал в мыслях и на бумаге очередной «финт ушами».

* * *

Я отчетливо понимал, что меня со дня на день прогонят с работы. И будут правы! Действительно, сколько можно, «пребывая на вольном выпасе», заниматься неизвестно чем, да еще и не всегда откликаться на предложения быть научным «негром». Уж я-то сознавал, что 30-летний юбилей «вольного выпаса» позади. Мои учителя, иногда очень влиятельные покровители, друзья, коллеги и даже... поклонники почти в один голос и в разное время внушали мне: «На тебе поставлен эксперимент, соответствуй, как сможешь». Под экспериментом подразумевался пресловутый «вольный выпас» и «беспривязное содержание». Но «конечно дело»... Сколько можно.

В одиночестве, но постоянно ощущая себя «нищим принцем» могущественной державы, имя которой – Наука, я старался как мог:

*Молодая Луна,
Черный кот
И пустая бутылка.*

А ровно год спустя:

*Черный кот,
Торжество и печаль,
И Луна, и привычная
Тяжесть в затылке.*

Меня сначала потрясал, потом удивлял, затем вдохновлял и, наконец, утешал тот вполне объяснимый факт, что в лесных сообществах северной сибирской тайги сплошь и рядом наблюдаются ситуации, когда под сенью могучей 30-метровой и 80-летней ели приютились... 300-летняя метровая елочка. Такова мощь индиви-

дуальной биологической п л а с т и ч н о с т и (приспособляемости). А утешало меня то банальное и знаменательное обстоятельство, что у людей дела обстоят, практически, так же. И генетика с экологией здесь как бы и вообще не причем.

В том-то и дело, что идеализировать отношения между индивидами в дикой природе нет оснований, но перед ее законами действительно в с е равны, потому что там нет м о р а л и, да еще двойной, тройной и вообще многомерной. И нет занятия увлекательней, чем читать нравоучения человечеству.

В поисках именно пресловутого с м ы с л а жизни сломали головы миллионы, возможно, лучших представителей человеческой цивилизации, хотя бы в непрерывных братоубийственных войнах. В то же время миллиарды людей находили, находят и будут находить упомянутый смысл буквально под ногами, следуя законам природы и беспрекословно подчиняясь законам общества, либо ... беспрепятственно нарушая таковые. Вероятно, мы весьма продвинемся хотя бы в части самопонимания, если осознаем, что между нами и тараканами гораздо больше сходства, чем различия...

Вот, говорят, что террористы, маньяки и насильники – это «нелюди»... Как просто! Пришпилил этикетку, как в музее или в магазине одежды, и гуляй себе дальше... И одно дело, когда это «проводит жизнь» безграмотная и обездоленная старуха, а другое – когда то же самое бубнят на диво сытые руководители самых могущественных «силовых» ведомств. Но ведь суть проблемы в том и состоит, что все это л ю д и (!), и вопрос в том, как они дошли до жизни такой.

В таком настроении мне уже ничего не стоило переключиться от проблем персонального шкурного бытия на вопросы «Структурно-функциональной организации и динамики общественного сознания». Аналогичные повороты в своих размышлениях и действиях я как раз и называю «финтом ушами». Это не вызов и не рисовка. На своем уникальном опыте, можно сказать, экспериментальном, я убедился, что для научного работника любого профиля весьма полезно хотя бы раз в 3-5 лет менять направление своих исследований. Ведь можно же за пять лет получить высшее университетское образование, за три года – успешно закончить аспирантуру... «Учиться, учиться и учиться» до конца своих дней - это сладкий долг и священная обязанность профессионального научного работника, поскольку он о б у ч е н хотя бы за год, путем целеустремленного самообразования, проходить путь от выпускника средней школы до серьезного специалиста в любой отрасли. Энциклопедисту нашего времени вовсе нет необходимости знать «все обо всем»: достаточно ориентироваться в вопросах «где и что лежит, и что откуда берется».

Что заставило б о т а н и к а Жана Жака Руссо (1712-1778) развиться еще в 1755 году трактатом «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства...»? Почему профессор Московского университета Карл Францевич Рулье (1814-1858) первым в мировой практике решительно воспротивился «монополии организма» в биологических исследованиях и обосновал необходимость изучения жизнедеятельности естественных с о о б щ е с т в организмов? Наконец, как случилось, что выдающийся конструктор вертолетов И.И. Сикорский (1889-1972) написал философское сочинение «Эволюция души»? Думается, что ими руководило необоримое стремление к «ясному пониманию вещей».

Я не устаю повторять мудрые слова замечательного поэта Давида Самойлова (1920-1990), записанные 21 декабря 1980 г. в его дневнике: «Изучая эволюцию чего угодно, даже зажигалок, мыслящий человек может предсказать ближайшее состояние общества». А для меня переход от «эволюции структуры растительных сообществ» к вопросам структурно-функциональной организации о б щ е с т в а был столь же естественным, как плавная траектория от пивного к более мощному алкоголю. И останавливало лишь опасение преждевременно угодить в «психушку»:

*Идеи дерзкие случаются все реже.
Прозрачен горизонт и ясен путь.*

Более сорока лет я вращался в структурах самого высокоорганизованного (цивилизованного) человеческого с о о б щ е с т в а , имя которым (структурам) - наука. Казалось бы, уж здесь я найду ту гармонию, о которой так сладко повествуют лирические поэты. Увы, как и многие, я сильно ошибался, но тоскливого разочарования не было, да и быть не могло, поскольку я знал, на что шел.

«Не верь, не проси и не бойся» – кажется, так гласит старинная эзковская заповедь. Многие любят вспоминать напутствие Тимофеева-Ресовского: «Науку надо делать весело». Но ведь у этого призыва есть продолжение: не надо звериной озабоченности, типа «Ах, что будет с миром, если я этого не сделаю». Если проблема действительно «созрела», то найдется сколько угодно людей, которые решат ее, может быть, даже гораздо лучше тебя.

Научно-исследовательское производство – дело тихое и деликатное. По своему драматизму оно порой далеко превосходит самые крутые детективы, о чем свидетельствует огромная научно-художественная литература. Мировое научное сообщество можно рассматривать как действующую модель человечества, а стало быть ему присущи и все пороки, которыми грешит цивилизация.

Нобелевский лауреат Дж. Д. Уотсон в своей книге «Двойная спираль. Воспоминания об открытии структуры ДНК» (1969) изрядно шокировал мировую общественность следующим заявлением: «В науке нельзя добиться успеха, не усвоив, что ученые вопреки повсеместному убеждению, которое поддерживают их любящие мамочки и газеты, нередко бывают не только узколобыми и скучными, но и просто глупыми» (с. 19).

Увы, это вполне справедливое утверждение можно усилить, по меньшей мере, в двух направлениях: во-первых, что не «мамочки и газеты», а прежде всего сами ученые распространяют и поддерживают мифы о своей абсолютной непогрешимости; и во-вторых, что ученые могут быть не только глупыми, но и беспрельдно подлыми людьми.

* * *

По следам довольно бурных научно-организационных событий 1971-1976 гг. в Ильменском заповеднике им. В. И. Ленина УНЦ АН СССР я написал документальную повесть «Природа не терпит пустоты». Рукопись датирована мартом 1977 года, так что можно было отметить ее 30-летний юбилей. Я строчил ее по ночам с оглушительным зубным скрежетом: нужно было разгружать сознание для более серьезных вещей. Хотя, как знать, эволюционная теория как раз могла бы и подождать лет сто, поскольку она и сейчас-то не совсем ко двору. Того и гляди, начнутся «обезьяньи процессы»...

Разумеется, о всех этих ужасах я и не думал, когда принес упомянутую рукопись Стефану Антоновичу Захарову – заместителю главного редактора журнала «Урал». Единственно, оберегая лишь его душевное равновесие, я не представился ему как участник школьного драматического кружка, блиставшего под его руководством на весьма престижных сценах Свердловска, типа Дворца пионеров. Так что «свет рампы и запах кулис» я четверть века назад ощутил при его режиссуре. Кстати, когда мое неумеренное хвастовство «младшие товарищи» пытались атаковать «прямым ударом справа»: «Уж не подвизались ли вы и на оперной сцене?», я отражал наскок с ленивым достоинством старого бойца: «Да, подвизался на сцене Свердловского оперного театра». Действительно, на районных и городских смотрах самодеятельности наш хор отпетых головорезов (мальчиков и Бунчиков) гремел там с такой силой, что люстры звенели. А нас в этот школьный хор загоняли грубой лестью и нежной силой. «Такие были времена» (ВВП)...

Через несколько месяцев я нашел Стефана Антоновича смертельно перепуганным. Резюме было кратким, сокрушительным

и вполне предсказуемым. Рукопись никому не показывать. Из нее можно сделать полновесный научно-художественный роман, поменяв имена и географию. (Какие повороты сюжета, какие типы!...)... На этом и с благоговейным отвращением рукопись была мне возвращена.

Я мог бы совершенно доконать бедного Стефана Антоновича, вступив в некогда сыгранную под его режиссурой роль отставного контр-адмирала Ревунова-Караулова из чеховского рассказа «Свадьба с генералом»: «Всякое незначительное слово имеет, так сказать, свое таинственное... ээ... недоумение... Например: марсовые к вантам, на фок и грот! Что это значит? Это значит, что которые приставлены для закрепления брамселей, должны непременно находиться в это время на марсах, иначе надо командовать: селенговые к вантам! Тут уж другой смысл... Хе-хе...».

Лишь моя чудовищная память позволяла мне произносить монологи старого маразматика без суфлера. Но я никак не мог предполагать, что в свое время мне придется иногда командовать парусником, Только мы отлично обходились без всех этих голландских «наворотов»: «Эту хреновину вставь вон в ту хреновину, закрепи вот этой... ээ... хреновиной и тяни что есть силы за ту... Хе-хе...».

Потом злополучная рукопись перебивалась еще во многих руках, пока не угомонилась в дальних отсеках моего «творческого сундука». А ведь доходило до глумливых курьезов. Так, в одном из весьма солидных изданий мне предложили: уберите их текста все л и ч н о е , пусть это будет сугубо академическое изложение голых фактов. И я был таким идиотом, что своей рукой вычеркнул все живое... Затем рукопись мне возвращали... В другом издательстве, гораздо более «раскованном», мне говорили примерно так: а где л и ч н о с т ь автора; он что, на облаке обретается и не активный участник событий? В конце концов, я послал все это дело увесистым матросским... «Хе-хе».

Только на этом история несгораемой рукописи не кончилась. В конце 1996 г. я получил официальное предложение участвовать в сборнике воспоминаний по поводу 80-летия академика Шварца. К тому времени я уже заработал себе репутацию человека, весьма неплохо владеющего пером. А потому очень спокойно поднял старый материал и написал статью «С.С. Шварц в Ильменах». Вся логика, если таковая еще существует, обязывала меня именно к такому развороту сюжета. Иного ожидать от меня было просто нелепо. И это все понимали, а потому рукопись благополучно... отклонили.

Тут уж пришло мое время взорваться и показать: «Кто есть кто». Я понес рукопись статьи в нашу ведомственную газету «На-

ука Урала». Как было сказано раньше, меня там знали. Неисчислимое достоинство этой газеты состоит в том, что она а д р е с н а я , т. е. не идет в продажу, а распространяется в среде регионального (и не только) научного сообщества, иными словами, в нее не заворачивают и на ней не раскладывают селедку, прежде, чем ее хотя бы не просмотреть.

Я честно предупредил газетчиков, что они будут иметь неприятности, если опубликуют статью, и что я нисколько не обижусь, если они мне укажут на выход... Короче говоря, статья была напечатана, а четыре строчки, набранные самым незаметным шрифтом, какой только существует в технике, были замечены. Вот они:

*Известен к плагиату пагубной привычкой,
Успеет он везде, где пахнет калачом,
Но непременно будет действовать отмычкой,
Пусть даже можно действовать ключом.*

Естественно, что три моих последующих, свеженьких, актуальных и мощных статьи были отвергнуты без всяких объяснений. Прощаясь с поэтом и тогда еще главным редактором Аркадием Застырцем, я произнес очень внушительную речь: «Когда из жизни уходит академик, или членкор, так на его еще теплое место сбегаются сотни претендентов. А когда из газеты или журнала уходит надежный автор, так его место, как правило, остается надолго п у с т ы м .

Чтобы утешить пострадавших и предостеречь их от каких-либо встречных поползновений, приведу автоэпиграмму:

*Я не пригож, как и Пригожин,
И не распутен, как Распутин.
Я - отстраненный наблюдатель бытия
И безобиден, как... гремучая змея.*

Должен пояснить, что под Пригожиным я подразумеваю не счастливого спутника жизни эстрадной дивы, а нобелевского лауреата Илью Романовича, проживавшего до его последних дней в Бельгии.

* * *

Так получилось, что в 1977-78 годах, можно сказать, на пике своей творческой и всякой прочей активности я оказался без всякого прикрытия. Непримиримые, но благородные противники между собой академик Шварц и членкор Колесников с равным усердием, открыто и мощно поддерживали меня, но потом один умер, а другой переехал в Крым... Самая прямая аналогия всей

Фото 16-17. Ювелирные изделия из древесины.

Фото 14. Тигр.

Фото 15. Парад планет.

ситуации – это «Белый клык» Джека Лондона. Вот почему, в частности, я так люблю собак.

У меня сейчас сводит судорогой скулы, когда я вспоминаю эпизоды того распрозабытого времени... Ведь как только надо мной не изгалялась свора скучнейших зануд, почувствовавших себя корифеями. С ними невозможно спорить, поскольку они всегда правы «по должности», им невозможно что-либо объяснить, потому что они и так изнемогают от избытка учености. Они любят заседать, совещаться и «вершить судьбы». Они настолько довольны собой, что не боятся прослыть идиотами. Они, например, в ходе защиты диссертации могут с полной серьезностью спросить у соискателя ученой степени: «Как это вы ухитрились родиться в Париже?», а потом недоумевают, почему это зал хохочет, когда соискатель разводит руками и отвечает: «Обычным путем».

*Высоких степеней достиг бы он едва ли
Когда б не изобрел высокогорий на Урале.
Для мысли свежей он, как «черная дыра»,
А с географией пусть ладят кучера.*

Я много раз сталкивался с грубым намерением «остановить любой ценой» мое стремление уйти в свободный научный поиск, т.е. помешать и навредить даже и без того в заведомо безнадежных ситуациях. И это вдохновляло на принятие нестандартных решений. Так, закипая от ярости, одной рукой я накропал своего рода хронику «Идей невидимые драмы». Другой рукой, пребывающей в условиях, так сказать, трескучего мороза, набросал очерк «Разбой на путях мысли».

- Вы правильно рассуждаете, но не надо обобщать! – внушал мне весьма доброжелательно настроенный партийный функционер.

- Помилуйте! Да ведь мне в конце-то концов именно за это жалование платят. Этому обучали 18 лет... Делать правильные выводы даже при н е д о с т а т к е исходных данных – вот высший пилотаж...

- С вами трудно спорить...

- Да уж... Только я и не пытаюсь спорить.

Как своего рода Библию, Евангелие и катехизис я воспринимаю слова Альберта Эйнштейна из доклада «Общий язык науки»: «Наднациональный характер понятий и научного языка вызван тем фактом, что они создавались лучшими всех стран и всех времен. В одиночестве и, в конечном итоге, все-таки совместными усилиями они создали духовные орудия для технических революций, преобразивших жизнь человечества в последние века. Их система понятий служила гидом в путаном хаосе восприятий, так

что мы научились делать правильные общие выводы из частных наблюдений» (1966, с.13-14).

Этому напутствию я и пытался следовать, иногда вопреки даже здравому смыслу. Надо сказать, что в ту пору мне очень веско покровительствовал сначала ученый секретарь, а затем замдиректора по науке Валентин Григорьевич Оленев. Доходило до того, что я буквально кувыркался в конвульсиях, когда узнавал, что мою п л а н о в у ю и по всем издательским канонам г о т о в у ю к набору книгу снимали из печати. А Валентин Григорьевич мне говорил:

- Ты, Володя, спусти свой пар, хоть на меня. Но не высовывайся. Обожди, буквально 10-15 минут.

И я выпускал свой жар, затем он выглядывал в окно, потом говорил: «Ну вот. Я уже две минуты как и.о. директора Института. А теперь займемся твоими проблемами» – и брал трубку телефона...

Надо сказать, что я с детства обожал фронтовиков. Я до мельчайших подробностей помню наши детсадовские «шефские» концерты в госпиталях. Помню безногого командира в отдельной палате и веселого рыжего парня, который угостил нас белым (!) хлебом, намазанным маслом и присыпанным сахаром. Кстати, брать нам от раненных какой-либо «презент» было строжайше запрещено. Но кто мог устоять перед обаянием рыжего хромого весельчака в подшанниках?

Позднее я «прокачивал» всех фронтовиков. Так дошла очередь и до Валентина Григорьевича: «Как случилось, что Вы - капитан и командир стрелкового батальона получили полководческий орден Александра Невского?» – на что тот ответил с солдатской прямоотой: «А, тогда я был еще лейтенантом и командиром пулеметного взвода», и потом рассказал такие детали, от которых у меня и сейчас леденеет кровь. На его 80-летний юбилей я откликнулся стихом:

*Ни медалью, ни пряником
И не речью елейной
Не отметить твой срок
На Земле юбилейный.*

*Сколько тех положил,
Сколько этих сберег,
Разберется на небе
Всеведущий Бог.*

*Ну, а мы благодарны
За то, что ты есть,
Что блюдешь злополучные
Доблесть и честь.*

Высшую школу руководства и управления исключительно на экономических основаниях я прошел в студенческие годы. Теперь даже и эту фразу не выговоришь без словаря, поскольку она будет звучать, примерно, так: «Тренинг по менеджменту без клевого дизайна и маркетинга впарила конъюнктура, мать ее так...» Тьфу!

В лесоустройстве (в России официально существует с 1830 г., на Урале – за сто лет раньше) применяется термин «таксатор-комбинатор». Таксатор – это лесной инженер, который обходит весь лесной массив по системе так называемых «ходовых линий» и дает лесоводственную, хозяйственную и даже коммерческую характеристику каждому конкретному участку сплошного леса (выделу). На одном квадратном километре лесного массива в освоенных районах таких выделов может быть за сотню, в зависимости от видового состава, возраста, густоты, продуктивности и многих прочих особенностей леса, понятых только профессионалу.

Система «ходовых линий», т. е. топографо-геодезическое обоснование для таксатора на местности готовится его помощником – техником. У шустрого таксатора бывает до трех помощников, не считая универсального подспорья – аэрофотоснимков территории. Техник возглавляет бригаду рабочих, которые прорубают просеки, меряют линии, ставят столбы и пр. Все упомянутые выше работы оплачиваются с д е л ь н о . Каждый таксатор имеет сезонное задание. Несколько смежных таксаторских отрядов объединяются в лесоустроительную партию...

Так вот, таксатор-комбинатор – это специалист, совмещающий обязанности инженера и техника. На практике же, начинающий «комбинатор», как правило, из отпетых головорезов-студентов, еще и трудится в качестве рабочего. Для этой категории «комбинаторов» не придумано даже названия, но им достаются такие углы, куда и медведи не любят заглядывать. Такое положение выгодно всем, а особенно «казне», поскольку полевое довольствие, например, выплачивается одному человеку, а работает он за троих...

В один из полевых сезонов мы с приятелем опоздали на занятия в институт на месяц. Декан уже потирал руки и облизывался, предвкушая процедуру нашего изгнания. Но начальник экспедиции Ф. И. Михайлов прислал в институтскую многотиражку письмо, в котором благодарил институт, факультет, деканат и кафедры за «подготовку кадров». Мы стали героями, а декан – нашим лучшим другом.

Лесоустроительная экспедиция – это сугубо хозрасчетное предприятие, а стало быть, и эксплуатировали нас нещадно. В отдель-

ные годы только п л а н о в а я экономия достигала 35 %. Действовала классическая потогонная система, и лишних людей в штате быть просто не могло. Академический научно-исследовательский институт – это во многих смыслах абсолютная противоположность экспедиции, хотя здесь и там присутствует некий стержень и каркас, имя которому – структурно-функциональная организация сообщества с п е ц и а л и с т о в. Этот «костяк» может обрастать мускулами и заплывать жиром, но в каждой из сопоставляемых с с т е м есть свои прелести и свои недостатки. Многие пытались объединить преимущества упомянутых систем в одной структуре, и это иногда отлично получалось, но только на уровне целеустремленных и неформальных творческих группировок, типа экипажа «Флоры», либо на уровне индивида.

* * *

Взрастившему меня лесоустройству я взялся в первые же месяцы аспирантуры отплатить, походя, черной неблагодарностью, с помощью нарождавшейся... компьютерной и лазерной техники.

Для этого я еще в экспедиции (в камеральный период) приглядывался к способам статистической обработки чудовищных объемов полевого таксационного материала, начиная от классических канцелярских счетов и арифмометров, и кончая услугами машино-счетной станции ВИЗа. И меня всегда потрясало вопиющее несоответствие между способами добычи первичной информации и средствами ее обработки. Грубо говоря, парнишка скачет, как блоха, месяцами по тайге, а потом дура-машина за полчаса обобщает его полевой материал. Более унижительную ситуацию для смышленного человека трудно придумать. А в аспирантуре это справедливое негодование только укрепилось.

Короче говоря, вдоволь налюбовавшись на все это безобразие, владея аэрометодами, потолковав с геофизиками, похлопав по крутым бокам рубиновый лазер в Институте физики металлов и собравшись с духом, я разрешился статьёй «О лазерном авиапрофилировании лесистой местности» (не очень уверен в дословном наименовании). Знающие люди посоветовали мне сначала обратиться с соответствующей заявкой в Госкомитет по делам изобретений и открытий, без чего, собственно говоря, рукопись и нельзя было продвигать куда-либо дальше.

Из Госкомитета мне ответили, что сама по себе идея оригинальная и конструктивная, но ее следует сопроводить экономическими выкладками... Естественно, что я решительно отказался от погружения в «плановую социалистическую экономику», а по-

Фото 18-19. Ювелирные изделия из древесины.

Фото 20. «Дирижерская палочка виртуоза».

Фото 21. Человек из леса.

22

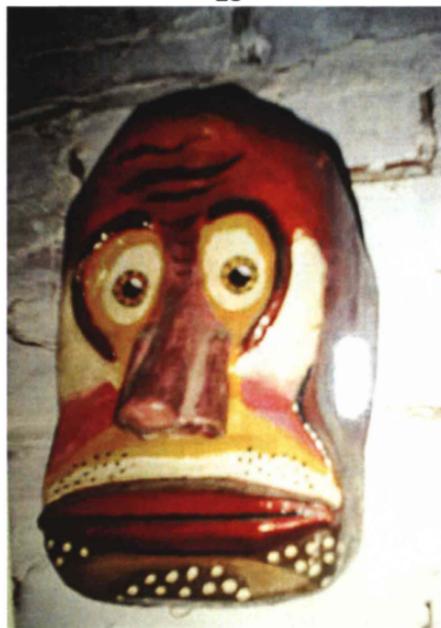
23

Джинн (фото 22) и Маски(23-25).

24

25

тому запросил от Госкомитета разрешения на открытую публикацию по этому вопросу. Мне ответили, что можно, на усмотрение администрации Института. Администрация усмотрела, что можно, и я послал рукопись в журнал «Лесоведение»... Ответ жду 40 лет.

А речь шла о том, чтобы параллельно и одновременно с аэрофотосъемкой местности производить ее лазерное (радарное) профилирование, т.е. записывать на пленку и профиль земной поверхности, и профиль растительного покрова. Уже в конце 60-х годов техника это вполне позволяла. Таким образом, опытный дешифровщик обучает дуру-машину распознавать по аэроснимку и аэропрофилю существенные свойства древесной, кустарниковой и даже травянистой растительности, а также наносить всю эту информацию на карту. Настоящий полевик-исследователь должен лишь корректировать представления дешифровщиков и злополучной дуры-машины:

*Я не хочу, чтоб хиленьким
Придатком к Прогрессу
Был усталый человек.*

Сопоставление экспедиции с институтом располагает ко многим соображениям, но с таким же успехом можно проводить параллели, например, между симфоническим оркестром и экипажем подводной лодки, толпой пьяных футбольных фанатов и посетителями читального зала публичной библиотеки... Какой-то остряк заметил, что с точки зрения штопора - гвоздь кривой...

На мой взгляд, наше сознание буквально на генетическом уровне изувечено своего рода дхотомией. Действительно, живая клетка делится надвое, перестает существовать в первоначальном виде и обретает бессмертие. Самый первичный и примитивный тип ветвления растений - дихотомия... Двоичная система (та же дихотомия) является основой основ для генетического кода, полового диморфизма, физиологической и всякой прочей симметрии... Явления дихотомии на уровне общественного сознания с библейских времен и до наших дней сопровождаются непрерывным насилием...

* * *

Одним из самых выдающихся и зобреней всех времен и народов, как и колесо, является нуль (или «ноль»: кому что ближе). Нечто вроде нуля было известно народу майя, а также древним китайцам. На языке хинди знак нуля назывался «сунья». Что значит «пусто», «пустое место». Арабы позаимствовали «сунью» у индусов, но произносили как «сифр» (отсюда слово «цифра»).

Страшно даже подумать, как намучились бы деятели, типа Абрамовича, со своими миллиардами целковых и долларов, не будь этого спасительного значка «пусто». С другой стороны, насколько грациозно и просто решались бы некоторые демографические проблемы, если бы нашим бравым пенсионерам (исключая депутатов Госдумы) пририсовать к размеру пенсии по крохотному «нулику»...

В трилогии «Царство Зверя» Д.С. Мережковский (1865-1941) вкладывает в уста декабриста П.И. Пестеля (1793-1826) замечательный афоризм: «Бог нужен для метафизики, как для математики нуль» (1990, с 241). Матерому безбожнику Вольтеру во многих источниках приписывается очень глубокая мысль: «Если бы бога не было, его следовало бы выдумать». Впечатление от этой фразы можно неизмеримо усилить, если напомнить, что эти огненные слова впервые были произнесены в 93-й проповеди Кентерберийского архиепископа Джона Тилльсона (1630-1694), т.е. задолго до рождения Вольтера. А «я тогда был маленький и ничего не помню» (одна из любимых присказок Тимофеева-Ресовского), но смею подозревать, что эта речь Его Преосвященства была встречена аплодисментами, поскольку под ней с равным энтузиазмом подпишутся и отпетый атеист, и заядлый правоверный.

А дело в том, что идеи хоть Бога, хоть колеса, хоть нуля так бы и остались идеями, если бы не претворялись непосредственно в жизнь. Идея нуля на всем этом фоне оказалась самой созидательной, поскольку она приводила в равновесие вечные «да» и «нет», «за» и «против», «плюс» и «минус», «жар» и «холод»... Она весьма внушительно продемонстрировала миру, что наравне с непримиримыми «да» и «нет» возможны варианты «да и нет», или «ни да и ни нет»: зависит от общей установки. Последняя, как правило, ориентируется лишь в «двоичной системе», поскольку приводится в действие опять же, как правило, весьма властолюбивыми, но очень недалекими людьми.

Огромным скачком в становлении и развитии именно о б щ е с т – в е н н о г о сознания ознаменовалось о т к р ы т и е того обстоятельства, что в случайной г р у п п е всего из двух человек возможны три типа взаимоотношений: дружественные, нейтральные или враждебные. И надо полагать, что это произошло за сотни тысяч лет до библейских времен. А тут уж и я вырвался, как говорится, на «широкий стратегический простор».

«Эффектом группы» называется распространеннейшее явление, когда всего даже пара индивидов (особей) приобретает свойства и перспективы, которым каждый из них в отдельности

не обладает. В качестве примера я обожаю приводить пару крыс, заброшенных злодейкой-судьбой на безжизненный вулканический остров. Если это два самца или две самки, то даже при обилии корма они просто погибнут от старости или уничтожат друг друга. Но если в этой паре самец и самка, то они вполне оправдают мрачную теорию преподобного Томаса Роберта Мальтуса (1766-1834), т. е. заполнят остров своими потомками, а те, в свою очередь, скорее всего перегрызутся между собой. Такова модель, в данном случае, генетической информации и эффекта группы.

На уровне растений групповые эффекты изучены весьма досконально, поскольку они имеют огромное хозяйственное значение. Достаточно напомнить, что в свое время только «квадратно-гнездовым» способом создания сельхозкультур мы были вполне серьезно намерены окончательно доконать проклятый капитализм... Носились, как с «писаными торбами», с несчастными «торфопергнойными горшочками», со «сталинским планом преобразования природы» и с кукурузой...

Что касается человека, то почти вся художественная литература пестрит эпизодами взаимодействия индивидов лишь в 2-х или 3-членных группах. Чего стоит один только «любовный треугольник», но кто возьмется формализовать и обобщить этот чудовищный фактический материал? Беспощадная рассудительность еще никому не приносила счастья, но она обучила многих обходиться и без него...

Что касается «треугольника», т. е. группы из трех единиц, то в нем с формальной, т. е. чисто теоретической точки зрения возможны уже шесть (!) вариантов индивидуальных связей. Чтобы попусту не злоупотреблять «голой» абстракцией, приведу совершенно конкретный житейский пример. Семья состоит из мужа, жены и тещи, и все друг с другом «повязаны». Но в некоторых ситуациях жена и теща объединяются против охальника-мужа, в других - муж и жена против инстинктов властолюбивой тещи, в третьих - муж и теща против расточительной экономической политики жены...

Необузданный теоретик тотчас подставит вместо мужа, жены и тещи буквы «А», «В» и «С», а потом на всех перекрестках будет утверждать, что в группе «АВС» есть по о д г р у п п ы «АВ», «АС» и «ВС», между которыми существуют свои каналы связи. Наконец, найдется совершенно взбесившийся мыслитель, который этак небрежно прикинет, что в группе из 6-ти человек (полный экипаж «Флоры-II») вообще-то возможны 360 вариантов «внутригрупповых группировок»... Далее он математически строго докажет, что

в мире нет и быть не может двух одинаковых людей, но все мы, в конце-то концов, кровная родня. Ну, и что? Точно так же можно доказать, что нет и быть не может двух одинаковых гвоздей, но это нисколько не мешает забивать их в стены и вешать на них портреты своих предков. Упражняйтесь в софистике, господа, и вам будет гарантирована карьера политолога.

Разделение и специализация функций – таков основополагающий и неустрашимый закон жизнедеятельности любой группы особей, не говоря уж о сообществе. Природа-мать сделала все, что в ее возможностях, чтобы мы имели время и неограниченные экспериментальные предпосылки для самообразования в этой деликатной области. И все-таки первый же встречный демагог способен убедить большинство из нас, что в мире существует какая-то в ы с ш а я справедливость, и что все люди рождаются свободными и равными. Так хочется в е р и т ь в какие-то о с о б е н н ы е чудеса, хотя наука, искусство и техника вершат их на каждом шагу...

В элементарной группе из двух даже совершенно одинаковых во всех мыслимых свойствах партнеров складываются отношения, типа «ведущий – ведомый», «господин – слуга», «учитель – ученик» и т.п. Нормального натуралиста и философа достаточно утешает лишь то банальное обстоятельство, что даже у растений (и между листьями растений) – так же. В группе из 3-4-х человек неизбежно возникают коллизии, достойные пера «нашего дорогого» Вильяма Шекспира (1564-1616), поскольку в ней созревает проблема л и д е р с т в а .

* * *

Вспоминается древний анекдот, а точнее – нравоучительная миниатюра, а точнее – притча. Итак, на небольшом конном дворе трудились два конюха: естественно, Иванов и Сидоров, а никак не Кацнельсон и не Трахтенберг. Они жили душа в душу, дружили семьями, крестили друг у друга детей и выпивали без «закуси» в подворотне. Но вот, однажды, в каких-то заоблачных и непостижимых верхах «после третьего чтения» созрела идея: ввести в данном конном дворе должность «старшего конюха», да еще с копеечной прибавкой к жалованию... Вскоре в упомянутые верха поступила анонимка, в которой помимо разоблачительных и вопиющих фактов (по-нынешнему, компромата) содержалось следующее заявление: «Конюха Иванова всегда отличали стремление к личной власти и жажда славы». Вот и догадайтесь с трех раз, кто состряпал этот донос. А для самых малосообразительных замечу, что анонимка была за подписью «конюх Иванов».

Не помню, кто сказал: «Если хочешь управлять, умеи повиноваться», но я бы добавил: сперва поупражняйся на себе. Действительно, справиться с собственной натурой, т. е. физиологическими, психологическими и нравственными комплексами без посторонней помощи зачастую оказывается просто невозможно. И посторонняя помощь окружает нас частоколом в виде родителей, учителей, друзей и начальников, а также памперсов, книг, аспирина и световых...

Между ангельской кротостью и свирепым властолюбием поместится вся этика, да еще останется место для конституций всех времен и народов, а также для Уголовного Кодекса. Но нигде не сказано, что крохотная частица власти, которую не различить, обладает мощным наркотическим действием. Оскорбительным для человеческого достоинства парадоксом является тот факт, что ощущение своего призрачного могущества одержимый внушает окружающим: они начинают искренне верить в его исключительность.

Английский писатель и просветитель Генри Филдинг (1707-1754) справедливо заметил: один вооруженный пистолетом человек может остановить толпу. Он может подстрелить лишь одного человека («Калашниковых»-то и динамита еще не было), но кто поручится, что не его именно? Этот нехитрый принцип действует почти безотказно, поскольку основан на врожденном инстинкте самосохранения. Ведь еще в «Экклесиасте» сказано: «...живой собаке лучше, чем мертвому льву».

А хуже всего, когда служебную или общественную власть (должность) пытаются приватизировать, т.е. перевести в разряд частной собственности, и это удается. За примерами достаточно сходить в Государственную Думу или в любое госучреждение. На этом фоне идея равенства людей единственно лишь перед законом остается химерой, а сам закон теряет смысл, как и само правосудие.

Президент Российской Академии наук с 1818 по 1855 гг. и министр просвещения с 1833 по 1849 гг. С. С. Уваров (1786-1855) выдвинул официальную национальную идею, т.е. государственный девиз: «Православие, Самодержавие и Народность». Достаточно присмотреться к датам жизни и государственной службы этого человека, чтобы осознать, что это далеко не случайная фигура на арене российской политической власти. И как это все так устроилось?

Несколько дней я усердно копался в подручной литературе. Нарыл массу второстепенных сведений, но ясного ответа на столь же ясный вопрос так и не получил. Так, ядовитой сатирой на персону С. С. Уварова (не путать с прочими, каких много, но это и есть самое трудное) откликнулся сам А. С. Пушкин:

*Он мнил: «Теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буде тож;
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность - трын-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенные дрова!»*

(«На выздоровление Лукулла», 1835)

Весьма доброжелательно отзывался об Уварове Н. В. Гоголь (1809-1852): «Грустно, когда некому оценить нашей работы. Но Уваров собаку съел. Я понял его еще более по тем беглым, исполненным ума замечаниям и глубоким мыслям во взгляде на жизнь Гете. Не говорю уж о мыслях его по случаю экзаметров, где столько философического познания языка и ума быстрого...» – так писал Николай Васильевич в декабре 1833 года (кто бы мог подумать) ... А. С. Пушкину...

Убийственной иронией пронизан отзыв об Уварове А. И. Герцена (1812-1870): «При Александре он писал либеральные брошюры по-французски, потом переписывался с Гете по-немецки о греческих предметах. Сделавшись министром, он толковал о славянской поэзии IV столетия, на что Каченовский ему заметил, что тогда впору было с медведями сражаться нашим праотцам, а не то что песнопеть о самофракийских богах и самодержавном милосердии» (Полн. с. соч., М.-Л., 1956, т.1X, с. 126).

Возможно, оценку 37-летней деятельности Уварова на посту президента Российской Академии наук надо искать на совсем другом фланге общественного сознания? Во всяком случае, за период только с 1815 по 1926 гг. в России было о р г а н и з о в а н о 15 кругосветных и 19 арктических экспедиций, как правило, под эгидой Академии наук... А позднее стало вообще делом государственного престижа иметь на борту даже боевого корабля в дальнем походе помимо «батюшки» еще и профессионального естествоиспытателя («ботаника», как теперь говорят бандиты и генералы)... Разумеется, исключительно по академической рассеянности тогдашних Жаков Паганелей, в честь С.С. Уварова зеленая разновидность граната названа у в а р о в и т о м. Впрочем, в честь министра финансов Е. Ф. Канкрин (1774-1845) был назван к а н к р и н и т.

И любопытно все-таки, какой минерал назовут в честь министра Зурабова? Может быть, таковым окажется одна из разновидностей камней в почках?

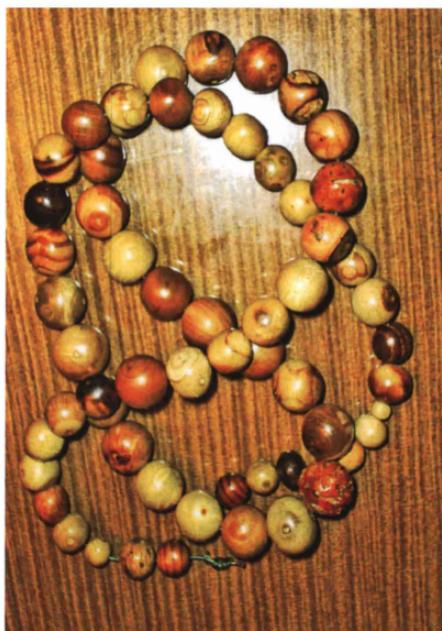

Фото 26. «Коллекция»
древесно-кустарниковых
пород древесины.

Фото 27. «Задрые».

Фото 28-29. Тераты.

Фото 30. «Мозг ученого секретаря».

Фото 31. Одно старинное изобретение.

Но исторические парадоксы на всем этом фоне только начинались. Как известно, в свое время коллежский секретарь А.С. Пушкин был командирован на юг России для наблюдения... за нашествием саранчи. Так что побывал Александр Сергеевич в «ботаниках», побывал, но безуспешно, зато русский зоолог и, возможно, один из отдаленных потомков С.С. Уварова - Б.П. Уваров за организацию борьбы с нашествиями пресловутой саранчи в Африке получил высшие ордена от правительств Англии, Франции и Бельгии...

Что касается всеобъемлющей национальной идеи, отсутствие которой так беспокоит политических демагогов, то она сродни «философскому камню», «неразменному рублю», или «скатерти-самобранке», т.е. принадлежит скорее всего к области фольклора. Но если кому-то уж совсем невмоготу, то можно воспользоваться созидательной мощью старинной русской поговорки: «Голь на выдумки хитра!». И чем это не идея, хоть на глобальном, хоть на интернациональном, хоть на бытовом уровне? Насколько она слабее пресловутой формулы «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? Во всяком случае, каждый желающий найдет бездну примеров, когда именно крайняя нужда или острая необходимость заставляла совершенно конкретных людей, народы и державы проявлять чудеса изобретательности, выносливости и мужества. И уж для совсем отпетых ура-патриотов можно добавить: «На том стоим!»

А меня, в конце концов, все-таки выгнали с работы. Ну и что? Не таких джигитов отправляли в разные места, и я некогда пренебрежительно посматривал на старичков. Но не на каждого! Ведь есть же старички, которым «снятся львы», а не очереди в собесе. К тому же в большинстве-то старички предусмотрительно и заблаговременно перебираются в лучший мир, не дожидаясь благодетний социально-ориентированного постсоциалистического режима. И пенсия получается каким-то несуразным..., но хватит о шкурном. Хотя моей маменьке идет 101-й год, а она еще видит разницу между Грызловым и Мироновым. Так что и у меня есть некоторый шанс окончательно разорить Пенсионный фонд страны.

В моей «коллекции» древесины между тем накопилось около 80 видов, главным образом кустарниковых пород, когда я окончательно осознал, что растратил свою жизнь напрасно. Слово «коллекция» пока употребляю в кавычках, поскольку представляю, как должна выглядеть н а с т о я щ а я коллекция. Экспонат должен иметь форму книги; важно, чтобы на образце древесины были отражены поперечный, продольный радиальный (через

сердцевину) и продольный тангентальный срезы, а на месте корешка «книги» должен быть сохранен фрагмент коры с лубом. Таким образом, хлопот с такой коллекцией не оберешься... и потом, как быть с кустарниками, когда у них и стволики-то подчас толщиной с карандаш? Значит, надо делать бусины или шарики, не увлекаясь идеальной формой. Меня ведь интересуют текстура (рисунок) и механические свойства древесины...

Много ли у нас на Урале пород деревьев даже в культуре? А вот кустарников масса. И тут я взвыл: какие возможности упущены в невозвратном прошлом! Средняя Азия, Кавказ, Крым, Молдавия, горы, пустыни, тундры... И везде есть свои диковины. Теперь я не расстаюсь со складной ножовкой, но время ушло, да только не совсем.

Потрясая перед носом первого встречного бусами из 20-30 образцов древесины, я орал, примерно, следующее: если я буду рассказывать о каждом экспонате по две минуты, то мне понадобится всего час... Как правило, несчастный встречный делал озабоченное лицо и исчезал из моего поля зрения навсегда. Но были и исключения...

Вдоволь настрадавшись от бессловесности, я подумал: а не соорудить ли буклет с множеством фотографий и кратким пояснительным текстом? Современная техника позволяет это сделать в два счета. А идея, в конце концов, выродилась в данный «Автонекролог».

В удивительном мире мы живем. За пять минут телеэфирного времени можно горы свернуть, т.е. убедить общественность в чем угодно, но как бездарно оно расходуется! А печатное слово пребудет неизмеримо могущественней устного, пока существует письменность. Вот и я намерен отплатить черной неблагодарностью неприятзательным деревьям и кустарникам за десятки открытий и мгновения экстаза, известные каждому коллекционеру. Короче говоря, я хочу заняться рекламой.

Методика сбора материала проста и экологически безупречна. Во-первых, не надо гнаться за полными жизни растениями и их ветвями, потому что при высушивании свежая древесина непременно растрескивается и из нее не получится даже приличной зубочистки. А в природе ветвь отмирает именно так, как и нужно для последующих процедур. Даже легкая гниль на срезе иногда приводит к любопытным эффектам. Во-вторых, полезно выбирать самые угнетенные экземпляры, поскольку древесина у них имеет самую утонченную текстуру. Наконец, как элемент

высшего пилотажа можно считать находку в виде капа (опухоли), но это уже мой застарелый «заскок». Хотя некоторые капы ценятся у знатоков не ниже алмазов...

Техника механической обработки образцов столь же проста, но таит в себе множество неожиданностей. Мой кот, например, жадно слизывал опилки из-под ножовки по металлу, когда я пилил древесину определенного вида кустарника. А уж такого барина надо еще поискать в высших кругах «новых русских»... Разумеется, очень деликатно следует обращаться даже и не с крохотными образцами древесины, зажимая их в тиски, т.е. действовать с упругой прокладкой.

Древесина большинства пород шлифуется великолепно, поскольку в ней содержатся всевозможные смолы, а хуже всего обрабатывается пористый материал. Например, древесина винограда девичьего представляет собой тугий пучок сосудов... без всякого иронического умысла в сердцевине любой веточки дуба красного, названного так из-за цвета осенних листьев, четко выделяется пятиконечная звезда...

На свежем срезе в сердцевине молодого стволика или ветви ясеня мало кто различит фигуру, типа удлинненного эллипса или «усеченной» стрелки компаса. Но на серии из подсохших образцов древесины с одного экспоната наблюдательный натуралист мигом выяснит, что стволик или ветвь непременно з а к р у ч и в а е т с я вдоль своей оси, а досужий математик легко рассчитает параметры этой спирали... Впрочем, генетики давно уже уяснили, что «праволевозакрученность» ствола дерева - генетическое свойство.

Цветовая гамма древесины намного превосходит знаменитую школьную формулу: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан», поскольку под разным углом и при разном освещении банальнейшая древесина выдает потрясающие цветовые эффекты. Кто не помнит, как зажав в зубах осиновую гнилушку, наводил в потемках страх на безграмотных сверстников и суеверных аборигенов... Некоторые пигменты растений вообще обладают люминесцентными свойствами. А эталоном действительно белого цвета для меня по к а остается древесина клена остролистного, взятая на уровне гипокотыля, т.е. точки расхождения стебля и корня.

Я много мечтал и размышлял на тему: существует ли в природе прозрачная древесина. А решение было найдено, когда моя дочь купила себе на рынке веник или метелку с бамбуковой ручкой. Отпилив от упомянутой рукоятки небольшой кусок, я выточил из него несколько неуклюжих колец. И тут меня осенило!

В наружных слоях «древесины» бамбука откладываются огромные (в относительном выражении) объемы кремнезема (двуокиси кремния), из которого в неживой природе образуется множество симпатичных прозрачных и полупрозрачных минералов, известных каждому. Короче говоря, бамбук вполне оправдал мои предположения: сквозь полупрозрачную белесо-опаловую дымку (поволоку) на кольце муаровым узором просвечивают золотистые иглы. В лучах солнца все это довольно впечатляет. Иногда у меня спрашивают: из какого минерала или металла сделано кольцо? А я этак небрежно бросаю: из травы... Как?! – Да так, из злака... – и потом с наслаждением пускаюсь в объяснения.

Много раз я пытался прикинуть, в каких направлениях промышленности, хозяйства и быта применяются древесина, кора, ветви, почки и даже вредители березы, но всегда сбивался со счета. И в русском фольклоре из древесных растений березе, пожалуй, нет равных. Так вот, для миллиардов простых людей на Земле такую же роль играет бамбук: о нем так же складывают стихи и поют, пригорюнившись, песни. А в моем сознании еще со студенческой скамьи засела цифра: при производстве катушек для ниток из отборного березового кряжа выход готовой продукции составляет 3 % по объему и весу от исходного сырья. К счастью, на помощь пришли новые материалы...

До полного своего физического исчезновения древесина остается практически живой. Во-первых, потому что является средой и субстратом для дереворазрушающих грибов и сонма видов микроорганизмов. Во-вторых, она выделяет массу летучих веществ. Санталовая древесина представлена сотнями видов, а изделия из нее обладают экзотическим ароматом, сохраняющимся десятки лет. А запах древесины некоторых пород просто омерзителен. Можжевельник вонючий, например, «благоухает» креозотом, которым пропитывают железнодорожные шпалы. Но зато от него шарахаются самые «пренеприятнейшие» насекомые... как мне стало известно недавно, далеко не эксперт по части древесины, математик обнюхал с десятка деревянных браслетов, прежде чем подарить таковой своему русскому коллеге.

Фантазия природы неистощима, и поделками из древесины завалены международные аукционы, а цена на них неуклонно растет. Но я остаюсь приверженцем миниатюрных и абстрактных (философских) форм. Так, неприятный отрезок стебля кизильника превратился в моих пальцах в «дирижерскую палочку виртуоза».

Действительно, зачем беспредельно обожаемому мной Владимиру Спивакову потеть перед оркестром, когда в его руках будет эта палочка: как регулировщик на перекрестке, он изнемогает, когда кто-то берет фальшивую ноту, но стоит погрозить этой палочкой оркестру, как он взорвется божественной гармонией.

Была на телевидении вполне приличная программа Льва Новоженова, в которой можно было задавать всякие душещипательные вопросы. Один из последних звучал, примерно, так: науке известны так называемые «черные дыры» в мировом космическом пространстве, так что там – в этой «дыре» и тем более – за ней?

Лев не нашелся с ответом, а я буквально взорвался деревянной минискульптурой, на которой и объяснял всем желающим: вот мир, вот «дыра», а дальше что? Задырь! Мать вашу так!

А если серьезно, то порезвился я вдоволь, пора и честь знать.

Лет сорок у меня перед глазами стоит телевизионный репортаж из Ленинграда. Маленького, щупленького младшего лейтенанта милиции пытается шустрый репортер. «Мент», видите ли, только что вышел из больницы после того, как он достал из полыни в Неве зазевавшегося пацана. И вот, помимо всего прочего репортер спрашивает (а репортаж-то прямой в те годы):

- А есть ли у вас любимый л и т е р а т у р н ы й герой?

- Есть!

- Кто же это? - тоскливо откликнулся репортер, предвкушая банальные байки про Павлика Морозова, Олега Кошевого, на худой конец, про «Овода» или графа Монте-Кристо.

- Мой отец.

- Как! - встрепенулся репортер, - Он что, известный л и т е р а т у р н ы й деятель или действительно герой?

- Да нет. Он столяр.

- ??

- Он повидал многое, но остается честным, трудолюбивым и веселым человеком. Я им горжусь.

Как понимаете, репортаж был сорван, а у меня до сих пор расширяется грудь от гордости за этого «мента» и за его папашку.

Разумеется, были и у меня минуты высшего и чистого торжества. Последний эпизод случился сравнительно недавно. Я собирал угощение для своего кота, выискивая в траве то, что теперь называется «стволовыми клетками», т.е. молодые и сочные проростки растений. Дело в том, что шарлатанство и мракобесие проникли в массовое сознание настолько глубоко, что люди рав-

нодушно проходят мимо самых элементарных, естественных и все-таки потрясающих вещей, уповая на чудеса или на «халяву». А ведь в организме любого живого растения или животного в с е г д а присутствуют вечно молодые клетки и ткани, иначе мы не стригли бы ногтей и волос... некоторые клетки и ткани в своем развитии и специализации уходят очень далеко от исходной п а р ы зародышевых клеток, другие остаются, так сказать, поблизости. Классическим генетикам, например, известна очень редкая мутация, когда у мушки-дрозофилы на месте глаза вырастает лапка...

Итак, я ковырялся в травках, выискивая то, что мне нужно. Мимо проходят два полупьяных парня вполне пролетарского вида. Один из них спрашивает другого:

- А чего это дед потерял? Уж не дать ли ему по рогам?

Но второй этак величаво отвечает:

- Не мешай ему. Он выясняет в е с ь в и д !

Откуда этим парням знать, что каких-то 2200 лет назад в аналогичной ситуации римский солдат (небось, «контрактник») отрубил Архимеду голову... Как далеко шагнул мир за все это время! И я был готов расцеловать этих ребят.

Другой эпизод произошел очень давно, но он меня ко многому обязал. Итак, однажды утром я засел за кухонным столом и разложил бумаги, собираясь хорошенько поработать. Включил радио, чтобы прослушать последние областные новости. Репортер беседует со школьниками. И вдруг последовал сакраментальный вопрос:

- Как вы себе представляете счастье?

Я насторожился, поскольку и мне предмет показался крайне интересным. В ответ прозвучал невнятный гомон, сквозь который прорезался тонкий голосок:

- Я не знаю, что такое счастье. Но я знаю счастливого человека.

- Да? И кто же этот счастливчик?

- Это мой папа. У него, как у всех, бывают свои неприятности, но он занимается своим делом спокойно и с удовольствием...

А на вопрос отвечала моя дочь после областной олимпиады.

Где-то в начале своего «Автонекролога» я поместил стих:

*И кто-нибудь, в пропасть метнувшись,
Раскинет руки, но вместо паденья
начнет полет.*

Так вот, у этого стиха есть концовка, которую я приберег:

*Жалкой былинкой,
Последней букашкой,
Буду полет наблюдать и я.
Много ли надо?
Ну жил, ну прожил...
Нет! Я - птаха все же счастливая.*

23.06.2007г.

г.Миасс

**ПЛОТНИКОВ В.В.
АВТОНЕКРОЛОГ УЧЕНОГО ГРАФОМАНА**

Ответственный редактор
Плотникова Е.В.

Корректор
Плотникова Т.В.

Компьютерный набор
Плотникова Л.А.

Дизайн, верстка
Мирошкина Е.В.

Отпечатано в типографии
ООО «Издательство «Раритет»
г. Екатеринбург, ул. Чаадаева 4, оф. 51
тел/факс: (343) 374-72-87

Подписано в печать ____ .10.2008. Формат 60x90/16
Бумага ВХИ 80 г/м².
Усл. печ. л. 4,25. Тираж 50 экз.

